

Трилогия
в одном
томе

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Мир
властителей

Москва, 2020

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

- Прекрасный новый мир •
- Пощады не будет •
- Сердце Башни •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
З-68

Серия основана в 2005 году
Выпуск 173

Художник
И. Воронин

Злотников Р. В.

З-68 Мир властителей: Прекрасный новый мир; Пошады не будет; Сердце Башни. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 667 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2936-3

Грон умер. Грон возродился. В новом прекрасном мире. Новая жизнь, новые друзья и никакого Ордена. Живи и радуйся? Как бы не так. Для того, кто обречен на бой, новый мир — это новый вызов, новые враги и... сила пострашнее Ордена. Владыки нового мира, которым нет нужды скрывать свою власть над ним. Но не только они угрожают Грону. Здесь у него появился новый, персональный враг, знающий о нем то, что неизвестно больше никому другому в этом мире...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2936-3

© Злотников Р. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

• Прекрасный
НОВЫЙ мир •

ПРОЛОГ

Герцог Эзнельмский травил зверя. Охоты в Эстрегонской чаще, которые устраивал герцог, славились по всей северной марке. Как и балы в его замке. Как и его парадные выезды, лошади в которых были подобраны по масти — вороные, черные как смоль, или белые с черными гетрами на передних ногах... По всеобщему признанию, герцог имел самый блестящий двор, начиная от южных отрогов Баннелонских гор и до северного побережья Тенгенского моря. И хотя граф Таммельсмейна и герцог Жадкейский готовы были с этим поспорить, но все понимали, что больше из собственного гонора, чем из чувства справедливости. А по ту сторону Баннелонских гор никаких дворов и не было. Там места были дикие, опасные, регулярно подвергавшиеся опустошительным набегам диких варваров и горных людоедов, так что тамошние замки ничем не напоминали роскошный, сияющий множеством окон с зеркальными стеклами замок герцога Эзнельмского. Уже не столько замок, сколько дворец, в котором от замка остались разве что только внешняя стена с десятком башен, давно исполнявшая скорее обязанности дворцовой ограды, чем крепостной стены, да старый покосившийся донжон, после перестройки замка превратившийся из его сердца в его же задворки. Те же замки все еще оставались угрюмым гнездом суровых воинов, всегда готовых при малейшем признаке опасности вскочить в седло и выметнуть меч из ножен. Так что о каком дворе там могла идти речь?

Впрочем, охоты герцога славились не только из-за пышности одежды и тщательной разработанности церемоний, а еще и потому, что Эстрегонская чаща являлась не чем иным, как длинным языком Запретной пущи, несокрушимой стеной окружающей Башню Владетеля Ганиада. Поэтому зверья в ней всегда было неиссякаемо.

Всем известно, что сила Владетеля, достигающая в Запретной пуще своего пика, заставляет жизнь бить ключом в ее непроходимых чащах, порождая невероятно могучих и необычных зверей. Но Запретная пуща для людей недоступна. Причем эту недоступность охраняют даже не столько запреты, а скорее, те чудовища, что заполняют ее. Чудовища, когда-то, вероятно, имевшие в предках обычное зверье, ныне неузнаваемо превращенное, а вернее, извращенное могучей силой Владетеля. И чем ближе к ее сердцу, к Башне, тем более страшными и опасными они становятся. Но и по окраинам их немало. Недаром крестьяне ни под каким видом не селятся ближе днев-

ного перехода от Запретной пущи. И тучные луга на ее опушках всегда стоят невыкошенными...

А вот Эстрегонская чаща была дарована Владетелем Ганиадам в ленное владение герцогам Эзнельмским. Зверье в ней хотя и было излишне злобливим и крупным (зайцы вымахивали с собаку, а косули чуть не с лося), но все же не слишком отличалось от обычного. И не в пример тварям Запретной пущи в пищу вполне годилось. Но иногда в Эстрегонской чаще встречались и более экзотические экземпляры...

Эта охота была последней осенней. Через неделю зарядят холодные осенние дожди, дороги развезет, и почти на месяц замки, так же как города, деревни и одинокие хутора северной марки, окажутся отрезанными друг от друга. До тех пор, пока не ударят первые морозы и землю не укроет пушистое снежное покрывало. Однако пока стояли теплые дни, и деревья все еще несли на своих ветвях почти по-летнему пышную, но уже совсем по-осеннему яркую и разноцветную листву.

Герцог выехал на вершину небольшого холма и остановился, оглядывая из-под руки отлично видимые с этой возвышенности лесные дали. Многочисленная свита остановила коней шагах в десяти сзади и тихо переговаривалась. Охота обещала быть интересной. И необычной. Неделю назад главный ловчий доложил, что на западной опушке чащи егеря наткнулись на следы Костяного вепря. Это было одно из порождений Запретной пущи, невесть по какой причине забредшее в Эстрегонскую чащу. Обычно столь могучие и опасные твари не покидают Запретной пущи. Ибо, являясь порождением силы Владетеля, не могут долго существовать без подпитки ею. А той части силы, что, как утверждают философы и алхимики, разлита в мировом эфире и имеется везде, а не только в Запретной пуще, им недостаточно. Поэтому вепрь, случайно выбравшийся из родных для него дебрей пущи, скорее всего, был уже изрядно ослабевшим. И охота на него вполне могла обойтись не слишком большим числом погубленных жизней. А трофей при удаче был бы знатным. Дай Владетель, один властитель замка из сотни мог бы похвастаться тем, что на стене его охотничьего зала висит нечто подобное голове Костяного вепря. Хотя как раз замок герцога Эзнельмского таким подобным похвастаться мог. Ибо на стене его охотничьего зала висела голова Адского пса. Но украшенной огромным рогом и покрытой, будто броней, чудовищными костяными наростами головы Костяного вепря там не было...

Герцог небрежно вскинул руку, затянутую в тонкую черную лайку, и главный ловчий тут же дал шенкеля своему коню, подъезжая к господину.

— Ваша светлость...

— Где он, Нашпрыгут?

Главный ловчий прислушался к еле слышному отсюда лаю собак.

— С востока гонят. От Бродяжьего брода.

— С востока? — Герцог качнул головой. — А мне кажется, что на юге лай громче.

— Так точно, ваша светлость, с юга громче. Там не меньше трех свор гон ведут. Да только у них лай азартный. Потому как привычного зверя гонят. А с востока, те глуше брешут. Пугливей. Будто сами боятся того, кого гонят.

Герцог небрежно кивнул.

— Хорошо. Свору Гоняя уже пустил?

— Никак нет-с, ваша светлость. Ждем, когда зверь подупреет. И на своры, что его уже гонят, бросится. Много собак положит. Ей-ей. А вот когда его потреплют маленько, да еще пикинеры-загонщики подоспеют, вот тогда и Гоняя со сворой пустим.

— Где думаете брать?

— А у Заячьей балки. Самое место.

Герцог снова склонил голову в небрежном жесте согласия. И, легким движением руки отпустив ловчего, тронул коня, выезжая на самую макушку холма. Он устал. Нет, не за сегодняшний день, а вообще. Даже нынешняя столь необычная охота его уже не радовала...

Лет двадцать назад слава о похождениях юного наследника домена, тогда еще звавшегося виконтом Бержаром, гремела по всей северной марке. По давнему обычаю, еще и подкрепленному договором, он в двенадцать лет покинул отцовский дом и отправился ко двору графа Таммельсмейна. Официально считалось, что воспитание в семье может только испортить мальчика. Ибо женщины слабы, и мать никогда не согласится отойти в сторону и никак не участвовать в воспитании (а следовательно, и не портить) будущего дворянина. К тому же дети вассалов, находящиеся при дворе господина, служили лучшей порукой соблюдения вассальных клятв, а дети властителей, отправленные ко двору соперников, — заключенных договоров. Ни один договор, заключаемый бывшими противниками, никогда не обходился без устной либо, если ожесточение предыдущей войны было слишком сильным, даже и письменной договоренности об обмене наследниками. Так что зачастую те, кому предстояло вступить во владение доменом, толком знакомились со своим наследством уже во вполне зрелом возрасте. Лет двадцати. Ибо, несмотря на то что обычно держать при дворе юношей, достигших семнадцатилетнего возраста и уже посвященных в рыцари, считалось неприличным, и обычно на замену таковым присылали более младших, а старших отправляли домой, наследников это правило касалось не всегда. А последняя война между Эзнельмом и Таммельсмейном была долгой и довольно жестокой. Так что виконт Бержар, наследник герцога Эзнельмского, пробыл при дворе графа Таммельсмейна до двадцати пяти лет. До того момента, когда его отец, прежний герцог Эзнель-

мский, скончался от удара прямо на одной из фрейлин его жены, урожденной баронессы Галлианд. В то время виконт Бержар такую смерть батюшки очень даже одобрял, поскольку и сам был весьма известным в свете задирателем юбок. По всеобщему мнению, он не пропустил ни одной смазливой мордашки в замке графа Таммельсмейна — от молочницы до фрейлины графини, а по слухам, добрался даже и до графской спальни. Впрочем, слухи и есть слухи, а графиня в свете считалась женщиной добродетельной и строгой. Хотя роскошные, черные как смоль, вьющиеся кудри виконта, влажные, чуть навывкате глаза, в глубине которых таилась самая откровенная и бесстыдная похоть, и чувственные губы совратили не одну добродетельную душу. А про его сумасшедшие пирушки, стоившие городу Таммельсмейну трех сгоревших трактиров и бесчисленного множества убытков в других, в графстве помнили до сих пор. Так же как и проделку с выпоротым капитаном городской стражи. Да, веселое было время...

Главный ловчий прислушался к лаю собак и переключкам рожков ловчих и поднял свой рог. Окрестности огласил густой, басовитый рев. Нашпригуд оглянулся на герцога, но тот продолжал равнодушно смотреть вниз. И главный ловчий махнул рукой, приказывая всей многочисленной свите, сопровождавшей герцога на этой охоте, двигаться вперед. На охоте именно он был главным... ну ладно, пусть формально, но фактически уж точно вторым после герцога. Пестрая кавалькада всадников тронула коней. Герцог проводил их равнодушным взглядом и вновь устремил его на открывшуюся панораму.

Герцогство Эзнельмское было одним из самых богатых доменов. В отличие от Таммельсмейна и Жадкеи оно не имело выхода к морю, зато ему принадлежала половина рудников, залеженных в Баннелонских горах. Да и самый удобный для сообщения с Загорьем перевал находился тоже в землях герцогства. Впрочем, особого дохода торговый тракт в Загорье не приносил. Загорские домены все сплошь были мелкими и бедными. Ну, может, за исключением Расдора. Но Расдорский барон был извечным противником герцогов Эзнельмских и предпочитал торговать через Жадкею. Хотя это вышло и дальше, и дороже.

Первую пару лет новоиспеченный герцог всю наслаждался свалившимися на него возможностями. О тех пирах с фейерверками, охотах и всяческих иных забавах до сих пор ходили легенды по всей северной марке. Но однажды утром герцог вызвал в опочивальню канцлера и потребовал заплатить торговцу редкими благовониями, приведшими в полный восторг его очередную пассию. Канцлер развел руками и с печалью в голосе доложил, что казна пуста.

Молодой герцог недоуменно воззрился на него.

— То есть как это нет денег?

В его представлении деньги были всегда. Это был непреложный закон природы. Деньги просто *не могли не быть!* То есть да, их могло ему не хватать, но за этим стояло не их физическое отсутствие, а нечто иное, скажем, скупердяйство папеньки или нерасторопность почтовой службы. Канцлер вздохнул. Он уже порядком устал от совершенно сумасшедших расходов своего молодого господина, умудрившегося всего за два года спустить достаточно тугую кошину, которую его папенька, несмотря на свою также немалую приверженность всяческим жизненным удовольствиям, смог накопить.

— Вот посмотрите, ваша светлость,— он раскатал длинный свиток, который захватил с собой в опочивальню, не слишком, правда, надеясь, что он ему поможет,— всего доходов за прошлый год мы получили семнадцать тысяч восемьсот семьдесят три толара. На содержание дружины ушло...

К удивлению канцлера, где-то к середине его речи молодой герцог выбрался из постели, в которой все еще валялся вместе с куртизанкой, и принялся внимательно рассматривать свиток, продолжая при этом слушать доклад. Когда отчет о доходах и расходах за год был закончен, молодой герцог еще несколько минут рассматривал свиток, в котором все расходы были разложены на пять статей — армия и полиция, дороги и мосты, жалованье чиновников и слуг, содержание замка и (эти расходы канцлер специально вынес в отдельную статью) его собственные траты. Подняв голову, он удивленно спросил:

— Так это что, я за прошлый год прогулял больше, чем ушло на все остальное вместе взятое?

— Да, ваша светлость,— согласно склонил голову канцлер, у которого даже чуть екнуло под ложечкой.

— Лихо...— Герцог задумчиво потер подбородок.

— Так что,— капризно прозвучало из-под балдахина оставленной герцогом кровати,— ты купишь мне наконец эти флаконы? Я уже устала ждать, пока вы закончите эти свои мудреные речи.

Герцог покосился в сторону кровати, и его лицо внезапно перекосила гримаса раздражения.

— Пошла,— сердито крикнул он,— пошла прочь!

— Но, котик...— испуганно раздалось из-под балдахина, а в следующее мгновение оттуда высунулось пухленькое личико, обрамленное белокурыми волосами и украшенное яркими фиалковыми глазами,— неужели ты...

— Пошла прочь, я сказал! Стража! — нетерпеливо заорал герцог. А когда в комнату, громыхая щитками лат, ввалились двое стражников, раздраженно приказал: — А ну выкиньте эту дуру из моей спальни.

Всхлипывающую «дуру», впрочем, сопроводили из спальни весьма уважительно. Никто не хотел навлекать на себя гнев коннетабля

неуважительным отношением к его жене. Она была на двадцать с лишним лет моложе мужа и обладала любвеобильностью кошки во время течки. Но он в ней души не чаял, прощая ей все ее похождения и свирепо отстаивая ее честь... вернее то, что ему казалось таковым. Так что по всему выходило — молодой герцог только что нажил себе нового врага в лице своего же коннетабля. Хотя, сказать по правде, его жена действительно была редкостной дурой, считавшей, что в мире есть только два достойных занятия — трахаться и веселиться, а все остальное не заслуживает никакого внимания.

А герцог с того момента нашел еще одну область приложения своей кипучей энергии и набросился на заботы властителя с той же молодой увлеченностью и неумемностью, с каковой доселе предавался увеселениям. Он мотался по всему герцогству не зная устали — строил мосты, закладывал лесопильни и сукновальни, мостил дороги. С жаром обсуждал с каменотесами, где и как выстроить новые сторожевые башни, а с хозяевами шахт и плавильен — как лучше плавить металл. Пирь и фейерверки были почти забыты, а на охоте теперь под звуки рожков не только травили зверя, но и договаривались о закладке новых мануфактур и расширении старых. Так продолжалось три года, до тех пор пока Жадкейский герцог, обеспокоенный неожиданным усилением Эзнельма, не подговорил Расдор напасть на окраинные владения герцогства. Расдорцы всегда считались неплохими воинами, и пограничные бароны-вассалы довольно быстро потеряли свои замки и бросились в Эзнельмский замок с просьбами о помощи и воплями о долге суверена. Новому для себя поприщу герцог Эзнельмский отдался с тем же жаром, что и всем предыдущим. Продвижение расдорцев было остановлено, что, впрочем, было не очень-то и тяжелой задачей, поскольку те и сами не собирались продвигаться слишком глубоко в пределы герцогства, прекрасно понимая, что Расдор все ж таки Эзнельму не ровня и максимум, на что они могут рассчитывать, это на получение контроля над перевалом. Но герцог Эзнельма не собирался отдавать им один из источников пусть и небольшого, но стабильного дохода. К тому моменту он уже неплохо разобрался во всем своем обширном хозяйстве. Так что спустя полгода после вторжения дружина герцога с созданным им баронским ополчением начала все сильнее давить на расдорцев, оттесняя их к перевалу, из-за которого они пришли и который хотели удержать. Однако решающую битву войско герцога проиграло. Из-за предательства коннетабля, так и не простившего господину не столько любовной связи со своей женой, сколько пренебрежения ею. Так что перевал на долгие пять лет оказался в руках расдорцев. Пять лет в Эзнельме не шумели пирь, не гремели фейерверки, не устраивались даже знаменитые охоты. Пять лет Эзнельм готовился к реваншу...

Согласно Законам Владетеля, Эзнельм, как общепризнано более сильный домен, не мог просто напасть на Расдор. Поэтому первый удар герцог направил на Жадкею. Перейдя границу, герцог Эзнельмский не стал терять время на штурм замков приграничных баронов, как предписывали все военные трактаты, а быстрым маршем двинулся прямо на столицу, не давая времени Жадкейскому герцогу собрать ополчение. Жадкейцы всегда предпочитали воевать золотом, а не мечом, науськивая на своих врагов соседей либо приплачивая пиратам. Так что, когда полки эзнельмцев подступили под стены Жадкеи, местный герцог, бежавший из своей столицы и укрывшийся в одной из горных твердынь, одновременно отправил послов к неприятелю, предлагая решить возникшие разногласия миром, и к расдорцам, слезно моля старых союзников *потревожить* северные пределы Эзнельма. Как выяснилось, именно этого и нужно было Эзнельмскому властителю. Поэтому, заслышав о том, что расдорцы вновь осадили замки его приграничных баронов, герцог Эзнельмский, удовольствовавшись вполне небольшой контрибуцией, быстро двинул свое уже отмобилизованное войско на север. К перевалу. Расдорцы защищались отчаянно. Но их было слишком мало. На одного расдорца у герцога было по десять солдат, и в конце концов перевал пал. Да еще и на земли Расдора пошли набегом горные людоеды, так что воины срочно потребовались расдорцам на севере. Поэтому барон Расдора был вынужден пойти на заключение тяжелого и крайне невыгодного для себя мира, не только отдав в качестве контрибуции вдвое больше денег, чем принес контроль над перевалом за эти пять лет, но еще и направив в Эзнельм *на воспитание* одного из своих сыновей. Уговаривались о наследнике, но тот погиб, отражая набег горных людоедов. Да и вообще потери расдорцев во время того набега оказались так велики, что герцог Эзнельмский смилостивился и согласился на любого из сыновей, по выбору отца. Выбор, естественно, пал на младшего, которому тогда не исполнилось еще и шести. Он был самым слабеньким, болезненным и совсем не походил на братьев, уже с младых ногтей демонстрирующих присущую расдорцам стать и силу. Возможно, дело было в том, что мать вынашивала его, уже будучи больной, и умерла при родах. С тех пор мальчик рос при дворе герцога Эзнельмского, не слишком, впрочем, одариваемый вниманием...

Потом были другие войны, перемежавшиеся, впрочем, вполне длительными периодами мира. А затем, доказав всем соседям, что связываться с Эзнельмом себе дороже, герцог вернулся к пиратам и охотам. Хотя они его уже не слишком радовали. Но герцог, устав воевать, решил то, что ранее делал силой мечей, попробовать совершить блеском двора, привлекавшего к себе самых талантливых поэтов и художников, самых прекрасных дам, самых великолепных и

богатых кавалеров. И это удалось ему не в меньшей степени, чем все остальное. Но теперь он устал и от своего двора...

Пышная кавалькада спускалась с холма пестрой, растянувшейся змеей. Дамы и кавалеры ехали шагом, переговариваясь между собой. Кое-где слышался мелодичный женский смех, а часть кавалеров нетерпеливо привставали в стременах. Хотя в этой кавалькаде практически не было тех, кто должен был бы напрямую вступить в схватку с чудовищем (все должны были сделать собаки, пикинеры, и лишь в самом финале, дабы окончательно поразить страшного, но обескровленного зверя, против него должен был выйти кто-то из знатных охотников), многие пребывали в предвкушении. Если не личного участия, то хотя бы зрелища схватки.

Кавалькада медленно спускалась с холма, когда главный ловчий вдруг насторожился и вскинул руку, требуя тишины. На этот жест отреагировали не слишком многие. Кто-то был занят светской беседой с хорошенькой спутницей, кто-то просто смотрел в другую сторону, а кто-то в собственном высокомерии посчитал, что не обязан реагировать на команды худородного. Охоты герцога Эзнельмского уже давно были чисто светским мероприятием, а не смертельно опасной забавой настоящих мужчин, тренировкой их искусства схватки.

Главный ловчий досадливо поморщился и, поспешно вскинув рог, протрубил остальным ловчим команду спустить всех собак. Из-за гомона, охватившего кавалькаду, он не смог расслышать, что такое творится внизу, где своры гнали главный приз сегодняшней охоты, однако, судя по тому, что услышать все-таки удалось, дело там повернулось как-то не так. А в следующее мгновение он увидел и прямое подтверждение этому выводу...

Костяной вепрь вырвался из чащи ожившим ужасом. Он совершенно не выглядел обессиленным, как должен был бы. Наоборот, от его гигантской туши, в холке достигавшей высоты вскинутой лошадиной головы, веяло чудовищной мощью. Кони в панике забились, теряя разум и способность повиноваться командам всадников. И еще минуту назад пышная и роскошная кавалькада превратилась в обезумевшую толпу. Чудовищный зверь на мгновение замер, обводя мезиво из хрипящих и бьющихся животных и вопящих от ужаса людей взглядом своих четырех кроваво-красных глаз, а затем зарычал, да так, что все будто окаменели, и бросился вперед. Лошади, люди, все смешалось в этой кровавой куче. Герцог, двинувший коня, уже когда хвост кавалькады проехал мимо того места, с которого он озираал окрестности, натянул поводья. Его Блислер был старым, опытным боевым конем, но и он весь дрожал, ощущая рядом воплощенный первородный ужас, однако пока еще оставался послушным своему всаднику. Несколько мгновений герцог смотрел на развер-

нувшуюся бойню, а затем его губы тронула легкая усмешка, и он громко позвал:

— Нашпригут!

— Ваша светлость! — Главный ловчий вынырнул из обезумевшей толпы. Он был без коня, без шляпы и в разорванном колете. — Беги-те! Ради всего святого....

— Где мое копьё?

— Ваша светлость!!!

Герцог усмехнулся и, перекинув ногу через луку седла, спрыгнул на землю. В схватке с таким зверем нельзя полагаться на любого, даже самого опытного и тренированного, коня.

— Ловчий, ты что, не видишь? Он не просто убивает. Он ищет...

Главный ловчий обернулся. Действительно, если справиться с ужасом и попытаться внимательно присмотреться к поведению чудовища, можно было уловить, что оно не просто убивает всех, кто попадает ему на клыки. Оно целенаправленно прочесывает толпу вдоль и поперек, иногда вырываясь из нее, но не столько для того, чтобы убить какого-то человека, сколько для того, чтобы, сделав круг, будто умелый загонщик вновь согнать в кучу начавшую разбегаться добычу. А потом опять ныряет в самую гущу.

— Кого... ищет? — холодея, спросил главный ловчий, на самом деле уже зная ответ.

— Меня,— спокойно ответил герцог.— Я уже давно не развлекаю Владетеля так, как ему хочется. И потому он решил слегка освежить картинку. Так где мое копьё?

— Сейчас, ваша светлость,— шумно вдохнув, прошептал главный ловчий и, утерев пот, бросился к огромной куче, состоявшей из чудовищной мешанины трупов лошадей, кусков людских тел, комьев вывороченной земли, наваленной Костяным ведром в самом центре поляны. Где-то там, притороченное к седлу трупа его собственной лошади, находилось охотничье копьё герцога. Но не успел он сделать десятка шагов, как Костяной ведрь, наконец-то учувший свою главную добычу, выметнулся ему навстречу, походя вспоров левым клыком главному ловчему живот и грудину. Буквально вывернутый наизнанку труп главного ловчего сделал еще один шаг вперед и рухнул на траву таким пластом окровавленного мяса. А Костяной ведрь приблизился к герцогу еще на шаг и замер, уставившись на того, за кем он был послан. Герцог взглянул в пылающие бешеной злобой глаза чудовища и, усмехнувшись, потянул из ножен шпагу. Это было не его старое боевое оружие, а парадная зубочистка с золочеными, густо украшенными алмазами и изумрудами эфесом и гардой и блестящим, полированным, но не слишком длинным клинком. Впрочем, даже с боевой шпагой у него не было никаких шансов против этого чудовища. Да что там шпага, даже тяжелое охотничье копьё, способное остановить разъяренного медведя или обычного ведря, здесь не

помогло бы. Но негоже дворянину и властителю гибнуть как свинье на бойне...

Костяной вепрь разинул пасть, дохнув на герцога чудовищным смрадом, и, поведя своей огромной, покрытой, будто броней, мощными костяными наростами головой, стремительно метнулся вперед. Эстрегонскую чашу огласил дикий, вибрирующий вой, заставивший лошадей тех, кто сейчас пробирался через чашу вдалеке от этой поляны, так же забиться в ужасе, а затем все смолкло...

Когда спустя час на поляну рискнули-таки выбраться в ужасе разбежавшиеся по лесу ловчие, Костяного вепря на ней уже не было. Герцог лежал на перепаханной мощными копытами траве, будто тряпичная кукла. Его правая рука была оторвана и валялась в десяти ярдах от него, на левой ноге не хватало голени и ступни, но в остальном тело выглядело почти неповрежденным. Скорее измятым. Так, будто в нем не осталось ни одной целой кости. Конечно, и в таком виде он выглядел ужасно, но, если сравнивать с теми, чьи даже не тела, а части тел торчали из огромной кучи земли и ветвей деревьев вперемешку с кусками лошадиных туш, можно сказать, что тело герцога практически не пострадало.

Из двухсот всадников, что ранним утром покинули охотничий замок в свите герцога Эзнеймского, в живых осталось менее шестидесяти человек. Семнадцать из них были ранены. Двое — очень тяжело. Виконтесса Мелиль, великолепная юная красотка, попала под удар клыка, все еще пытаясь удержаться на взбесившейся лошади, так что она просто лишилась левой ноги до бедра и затем была придавлена трупом своей же лошади. Лекарь считал, что у нее есть шансы выжить. Хотя разве можно назвать то, что ей предстояло, жизнью... А вот мальчику-пажу клык зверя располосовал бок и спину так, что надежд на его выживание практически не осталось. Но придворный лекарь, осмотрев его, все-таки решил не давать ему темной цикуты, дабы сделать более легким его отход. В основном из-за того, что паж был в беспамятстве и вряд ли способен сделать хотя бы простое глотательное движение. Так что лекарь просто велел уложить пажу на подводу и отправить в замок, рассчитывая, что тот сам умрет дорогой.

Часть первая

ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

1

Стражник, стоящий у входа в оружейную, откровенно скучал. Этот пост в замке герцога Эзнельского давно потерял свою особенную важность. Так, традиция. Как и сама оружейная. Потому что теперь она скорее являлась просто кладовкой. Ну ладно, не кладовкой, а хранилищем, причем довольно-таки ценных вещей. Ибо эта оружейная была по большей части забита личным оружием герцога и его наиболее близких соратников, а оружие властителей всегда было не только самого высшего качества, но и богато украшено искусной насечкой и инкрустацией. Но все равно к тому истинному назначению, каковое имела оружейная, например, в замках за Баннелонскими горами, эта оружейная уже давно не имела никакого отношения. Поэтому сюда обычно ставили не слишком старательных стражей. Все равно пост формальный. Стражник зевнул, отлип от косяка двери и, вскинув на плечо алебарду, двинулся вдоль стены. Четыре шага влево — лестница, а столько же вправо — большая галерея, когда-то предназначавшаяся для арбалетчиков. Но уже давно зубцы галереи были расширены, бойницы — заложены, верх подведен под крышу, а промежутки между зубцами застеклены. Так что о давнем предназначении галереи теперь напоминали только необычайно широкие, как раз в толщину крепостного зубца, подоконники. Стражник дошел до угла и остановился. Этот мальчик опять сидел на том же самом месте. В нише одного из окон. Одна нога согнута в колене, и он обхватил ее рукой, а вторая... вторая, вывернутая так, что ступня смотрела наружу почти под прямым углом, осталась на полу. Рядом с толстой палкой-костылем. Стражник жалостливо вздохнул. Грустно. Грустно в пятнадцать лет стать инвалидом. Теперь этот юный паж не способен даже спуститься по лестнице. Во двор. Не говоря уж о том, чтобы вскочить на коня и промчаться по тем просторам, на которые он смотрел сейчас из окна замка. Единственное, что ему оставалось, это с трудом доковылять из расположенной здесь же, на этаже, спальни пажей до этого окна и устроиться в нише, глядя на огромный, но, увы, ставший теперь недоступным мир...

Додумать мысль стражник не успел. Потому что в противоположном конце короткого коридора дребезжаше загрохотало, и он торопливо бросился к дверям оружейной. Судя по звукам, к его посту при-

ближался капрал Дур. Еще та сволочь. Несмотря на крайне дородную фигуру, из-за которой он едва-едва, цепляясь за стены и выступы наплечниками и юбкой кирасы, протискивался по узкой винтовой лестнице, отчего и производил столько шума, и быструю одышку, капрал слыл в страже едва ли не самым занудным служакой. Ну кому еще придет в голову карабкаться по высоким ступенькам, чтобы проверить одинокого часового, которому отсюда и деваться-то некуда? Слава Владетелю, стражник не принадлежал к его капральству, поэтому с капралом Дуром сталкивался не слишком часто. Лишь на воинских учениях на плацу либо когда, как сейчас, заступал в караул.

С трудом протиснувшись в узкий проем, капрал Дур буквально вывалился в коридорчик перед оружейной и шумно перевел дух. Охохонюшки... да-да, такие упражнения уже давно не для него. Но что ты будешь делать, если, почитай, самый важный пост во всем караульном наряде находится на этакой верхотуре. Нет, изначально, когда крепость еще была крепостью, — все было вполне разумно, ибо эта оружейная предназначалась для хранения оружия офицеров и арбалетчиков, поскольку как до галереи, так и до донжона отсюда было рукой подать. Так что в случае внезапной тревоги все, чье оружие хранилось здесь, забегали в оружейную и, вооружившись, следовали дальше, не делая никаких крюков и не совершая лишних переходов. Но ныне покойный герцог Эзнельмский довольно быстро приучил врагов и соседей к тому, что самым разумным в международных отношениях с герцогством будет совершенно оставить мысль о нападении и не совершать ничего, что вызвало бы неудовольствие герцога. Так что замок постепенно начал превращаться из грозной крепости в жилище просвещенного государя, окруженного многочисленной свитой. А это привело к тому, что помещений стало катастрофически не хватать. Все остальные оружейные, расположенные этажами ниже, мало-помалу были переоборудованы в спальни, гостиные и даже, тьфу, и выговорить-то срамota, в туалетные комнаты. А эта — осталась. Ибо обитателям замка теперь уже совершенно не требовалось бежать сломя голову на верхушки башен и арбалетные галереи, да и ведущая сюда узкая винтовая лестница, устроенная прямо в толстенной стене донжона, была не слишком пригодна для передвижения в пышных нарядах и роскошных платьях. Так что в бывших стрелковых камерах и баллистных казематах оборудовали спальни для пажей, а оружейную забили оружием по самый потолок, снеся сюда все, что ранее хранилось в трех других. Вернее даже — лишь самое ценное из этого. А остальное пошло в переплавку.

Сказать по правде, капралу это не слишком нравилось. Однажды решив, что все, времена изменились и стали более просвещенными, и ужаснувшись тому, сколько приходится платить за безопасность,

достигаемую военным путем, люди с отвращением навсегда отворачивались от всего, что связано с войной и оружием, и посвящали жизнь наукам и искусствам. И сколько баронств, графств и герцогств вследствие этого оказывались поверженными в прах? Причем чаще даже не новыми и ранее неведомыми гугучими врагами, а теми, кого их предки, не столь подверженные гуманизму и просвещению и, следовательно, по мнению своих потомков, погрязшие в темноте и дикости, держали в узде, не сильно напрягаясь. Капрал вздохнул. В последнее время его не покидало ощущение, что эти его мысли были не просто отвлеченными рассуждениями. Похоже, со смертью прежнего герцога герцогство Эзнельмское вступало именно в такие времена...

— Ну как тут дела? — недовольно буркнул он, окидывая часового придиричивым взглядом.

— Все в порядке, господин капрал, — браво отрапортовал стражник. Дур шумно вздохнул, отер лицо и, грузно переваливаясь, двинулся в сторону бывшей стрелковой галереи. В принципе в его задачу входила только проверка часового у оружейной, но, раз уж он все равно забрался на такую верхотуру, почему бы не осмотреться.

Выйдя на галерею, капрал окинул ее орлиным взором, который тут же зацепился за щуплую фигурку пажа, сгорбившуюся в оконной нише. Капрал несколько мгновений смотрел на него, а затем тихонько вздохнул. Да уж, не повезло парню... мало того что все свое детство провел, почитай, вдали от родного дома, так еще и жизнь теперь окончательно искалечена. Ну кому он нужен такой убогий? Ни отцу, ни домену, ни даже бабе. Впрочем, шансов на домен у него и без того было не слишком много. Насколько капрал помнил, младший сын барона Расдора был всего лишь четвертым в списке наследников. Ибо у нынешнего владельца имелось еще трое вполне крепких и здоровых сыновей, служащих ему надежной опорой и в брани, и в хозяйстве, и в пиру. А без домена какой бабе из благородных он теперь интересен? Да и, по правде говоря, не всякой служанке тоже... Впрочем, это совершенно не его дело. Капрал еще раз бросил взгляд вдоль коридора и, развернувшись на каблуках, двинулся в сторону винтовой лестницы. Теперь ему предстояла трудная задача — спуститься.

Однако не успел капрал дойти до ступенек, как из-за поворота лестницы послышалось шумное сопение, а спустя пару мгновений в проеме нарисовалось еще более дородное, чем у капрала, тело масте Эшлиронта, замкового лекаря. Капрал едва заметно сморщился, но тут же натянул на морду крайне почтительное выражение и, насколько возможно вытянувшись во фронт, молодецкато отдал честь. Матре Эшлиронт был в замке фигурой весьма влиятельной, хотя и не принадлежал к дворянскому сословию. Эта влиятельность была результатом того, что среди сонма придворных, околачивающихся в замке, существенную часть составляли люди в возрасте, мучимые

множеством пусть и не смертельных, но зато хронических хворей. А мастре Эшлиронт проходил обучение в университете Гардида, очаге гуманизма и просвещенности, преподаватели которого уделяли большое внимание облегчению страданий больного (а по наблюдениям капрала, вообще только этому). Так что он весьма умело составлял мази, притирания и компрессы, снимающие суставные и ревматические боли, а также позволяющие легче переносить мигрени и подагру. Благодаря чему имел горячую признательность, в том числе и со стороны матушки покойного герцога. Но врачевать увечья или ранения мастре Эшлиронт не умел совершенно. Вот и тот паж, что маячил сейчас в окне стрелковой галереи, остался инвалидом лишь потому, что его сломанную ногу не заключили вовремя в лубки, и переломанные кости срослись как ни попадя, перекрутив мышцы и оставив ногу полупарализованной. Да их полковой костоправ справился бы лучше...

Мастре Эшлиронт с трудом протиснулся в узкий проем и, шумно выдохнув, утер обильный пот рукавом своего роскошного камзола. Судя по засаленности рукавов, это движение было для мастре привычным.

— А-а, капрал,— шумно отдуваясь, небрежно приветствовал он Дура.— Как дела, никто из стражников не поранился?

— Владетель миловал,— отозвался капрал.— Здравствовать желаю, мастре Эшлиронт.

— Спасибо, капрал,— важно кивнул лекарь,— ваши бы слова да Владетелю в уши.— И после короткой паузы поинтересовался: — Слышали новость?

Капрал слышал много новостей, например, что баронесса Ганзельм опять беременна и, судя по всему, опять не от мужа, или что на конюшню ожеребились сразу три кобылы, или что главный повар велел выпороть поварят, которые расшалились и опрокинули в хлебное тесто полную солонку драгоценной соли мелкого помола, но угадать, какую из них имел в виду мастре, он не рискнул. Поэтому капрал счел за лучшее просто отрицательно мотнуть головой.

— Нет, мастре.

Лекарь важно надул щеки.

— Ходят слухи, что Владетель избрал-таки нового герцога.

— Вот как.— Капрал заинтересованно подался вперед, краем глаза заметив, что стражник-часовой сделал то же самое.

Покойный герцог не оставил прямого наследника, поэтому решение о том, кому достанется столь лакомый кусок, как герцогство, оказалось всецело в руках Владетеля. То есть, если бы даже герцог и оставил наследника, решение, наследует ли он своему родителю, также оставалось бы в руках Владетеля, но в этом случае Владетель чаще всего поступал согласно традиции. Однако в этот раз никаких прямых наследников не было. Так что Владетель оказался совершен-

но не ограничен в своем решении. Даже традицией. Если, конечно, слово «ограничен» вообще было применимо по отношению к Владетелю.

— И кого же избрал Владетель?

Мастре Эшлиронт подбоченился.

— А вы, капрал, как думаете?

Капрал наморщил лоб. В принципе эта тема давно уже стала самой главной для обсуждения как в дворянских гостиных, так и в дворовых помещениях, и в солдатских казармах. Все понимали, что от того, кто станет новым герцогом Эзнельмским, будет напрямую зависеть жизнь замка и герцогства. Основных претендентов было трое — виконт Балуаз, юный гуляка и бонвиван, маркиз Ажуален, напротив, господин весьма сдержанный и рачительный, и маркиз Газнемий, когда-то также слывший жуиром и гулякой, но в последние три года изрядно ударившийся в религию и отписавший Владетелю едва ли не половину своего состояния. Было еще около полудюжины претендентов помельче, но их никто особенно во внимание не принимал.

— Да откуда мне знать-то, мастре? — сыграл дурачка капрал. — Да и не нашего это ума дело. Куда уж нам до вас, человека важного и ученого, — слегка подольстился он к лекарю.

Тот довольно кивнул.

— Ну да, ну да... герцогиня-мать тоже так считает. Потому и решила обсудить со мной последние известия. — Мастре Эшлиронт сделал короткую паузу, во время которой умудрился еще сильнее надуть щеки и задрать подбородок. — Так вот, должен вам заявить, что все измышления этих тупиц и недоумков оказались посрамлены.

Под тупицами и недоумками, похоже, мастре имел в виду вообще всех, кто хоть как-то обсуждал возможные варианты, особенно если они не слишком обращали внимание на попытки лекаря поучаствовать в подобных разговорах на равных.

— Новым герцогом станет... барон Ужаб.

— Спаси Владетель! — охнул капрал и невольно зажмурился.

Да-а-а, такого он не ожидал. Да что там он, такого не ожидал вообще никто. Барон Ужаб не значился в раскладах даже среди второй полудюжины. Третий сын двоюродной сестры герцога, прижитый ею, по слухам, от одного из бродячих циркачей, с первого же дня своей не слишком удачливой жизни отличался исключительными способностями вызывать в людях отвращение к себе. Тощий, долговязый, с редкими сальными и секущимися волосами, которые он отчего-то предпочитал не стричь, а, наоборот, отращивать до максимально возможной длины, с кривой усмешечкой, приклеившейся в углу рта, и с дергающимся левым веком. И это бы еще куда ни шло. В конце концов, не всем же быть красавцами и блистать породой. Есть много достойных людей, родившихся горбунами или, скажем, с

ногой, которая на пядь короче другой. Мало ли сколько на твою долю отмерено милости Владетеля. Будь рад и этому и живи достойно. Но нет, барон посчитал, что обижен куда более других. И потому имеет право мстить всем и каждому за такую несправедливость в отношении своей особы. Причем мстил он грязно, мелко и в основном тем, кто не мог ответить. Зато не стеснясь присутствия тех, кто ответить был способен. И потому дом, который был выделен ему материю, просто измучившейся жизнью рядом с таким чудовищем, довольно быстро перестал быть интересен даже тем, кто готов был вынести многое, лишь бы занять место поблизости от дворянина и смотреть ему в рот, по-мелкому шакаля и ожидая всевозможных подачек. Так что, когда Ужабу исполнилось пятнадцать, его жизнь полностью сформировалась. Он жил в доме, стоящем на глухом отшибе, почти в одиночестве, всего лишь с двумя слугами, из которых один был немым горбуном, занимавшимся всем хозяйством — от закупки продуктов до обязанностей повара и кучера, а второй был умалишенным увальнем, основная задача которого заключалась в развлечении своего хозяина. По слухам, эти развлечения были немудреными, но довольно жестокими — от порки до прижигания конечностей раскаленными головнями. Но дурачок сносил все безропотно. С тех пор вот уже почти пятнадцать лет более никого поблизости от барона не наблюдалось...

И вот теперь, если слухи, принесенные лекарем, окажутся правдивыми, этот человек должен вскоре занять место нового герцога. Капрал еще раз качнул головой и тяжело вздохнул — да уж, свезло так свезло. Пожалуй, пора подумать о гражданской жизни. Капрал покосился на стражника, которого, судя по выражению его лица, одолевали точно такие же мысли.

— Ну да ладно, недосуг мне тут с вами рассусоливать, — резко оборвал размышления капрала слегка разочарованный голос лекаря. Эшлиронт ожидал от своего собеседника несколько другой реакции. В конце концов, он только что продемонстрировал этим тупицам, что он, мастре Эшлиронт, — лицо значительное и информированное... — Меня вон пациент ждет. — С этими словами мастре Эшлиронт развернулся и важно прошествовал в сторону галереи.

Кaprал проводил его взглядом и, хмуря лоб, двинулся вниз по винтовой лестнице...

— Нуте-с, как наши дела, молодой человек?

Паж, сидящий на подоконнике, повернул голову и окинул мастре Эшлиронта спокойным взглядом своих чистых, ясных глаз.

— Все в порядке, мастре.

— Это хорошо, хорошо... — забормотал лекарь, наклоняясь и протягивая руку к больной ноге пажа.

Однако допустимый угол наклона его дородного тела оказался несколько меньшим, чем было необходимо для того, чтобы дотяну-

ться куда-то ниже колена. Так что практически вся наиболее изуродованная часть ноги оказалась вне досягаемости толстых, похожих на сосиски пальцев мастре Эшлиронта. Лекарь на мгновение замер, не зная, что же делать, а затем досадливо сморщился и, небрежно пощупав коленную чашечку паж, с облегчением разогнулся.

— Не болит?

— Нет, мастре,— отозвался паж.

— Вот,— лекарь наклонил голову и покопался в сумке, притороченной к поясу,— возьми, это настойка канитии луговой пополам с белым целемнитом. Если будет болеть...

— Спасибо, мастре,— скучающим голосом отозвался паж,— но у меня уже два ваших пузырька стоят с этой настойкой. Неиспользованных.

— Как это неиспользованных?! — оторопело переспросил Эшлиронт, недоуменно вытаращившись. Он в первый раз столкнулся с тем, что его пациент не употребляет назначенных им снадобий.

— Так не болит же...— пояснил паж.

Лекарь нахмурился. Да какая разница, болит или не болит, если лекарство назначено — надо пить. Кроме того что всякое лекарство полезно организму, ты, строго следуя назначению, еще и повышаешь свой собственный статус, подчеркивая перед окружающими то, что принадлежишь к людям, которым доступны услуги докторов. И даже не только доступны, но еще и необходимы... Во всяком случае, все пациенты мастре Эшлиронта считали именно так. А подавляющее большинство их составляли люди разумные и многого в своей жизни достигшие. Ну не могли же они ошибаться?

— Так ты не пьешь моих снадобий? — грозно шевеля бровями, возвысил голос мастре.

Паж непонимающе смотрел на него.

— А зачем?

— Вот глупый мальчишка! — Лекарь побагровел.— Мои снадобья не только облегчают боль, но и оказывают благотворное воздействие на селезенку, в коей, как это совершенно точно установил профессор Адикам, и сосредоточена большая часть жизненной силы человека. Именно благотворное воздействие на селезенку ускоряет выздоровление.

— Так у меня ведь все уже зажило и срослось,— отозвался паж,— только неправильно. Вон как ступню перекосило,— он вздохнул,— верно, наново ломать придется...

— Что-о-о? — Мاستре Эшлиронт даже опешил. Этот... сопляк посмел в его присутствии пропагандировать самые гнусные предрассудки, свойственные деревенским знахаркам и безграмотным полковым костоправам, с темной и дремучестью которых следует не жалея сил бороться каждому истинному ученому! — Да ты понимаешь, что говоришь, бестолочь?

Паж недоуменно воззрился на раскипятившегося лекаря.

— Сам господин Эджервал, великий ученый и естествоиспытатель, установил, что природа человеческого организма не предусматривает никаких неправильных срастаний. Наоборот, кости после поломки следует возложить в возможно большей свободе, дабы не затруднить естественные циркуляции природных эфирных токов. Твоя нога срослась так, как и должно было произойти вследствие ее природы. И ежели ты не научился ею пользоваться, это результат твоей собственной лени и привычки к безделью.— Матре Эшлиронт наставительно вскинул палец к носу пажу.— Запомните, юноша, природа сама знает, что лучше нашему организму, и долг каждого ученого всемерно способствовать естественному, природному течению выздоровления. Понятно?

Паж несколько мгновений всматривался в матре Эшлиронта каким-то странным, совсем не юношеским взглядом, какового у столь молодого человека просто не могло быть, потом медленно кивнул.

— Конечно, матре.

— Тогда возьмите и немедленно начинайте принимать,— сварливо завершил разговор матре Эшлиронт.— Я назначаю вам двойную, нет, тройную дозу снадобья.

— Но... вы же сами говорили, что долг ученого способствовать естественному, природному...

— Боль — не есть естественное состояние организма. Поэтому всемерное облегчение боли как раз и является целью любого настоящего врача-ученого. Именно на борьбу с нею и должны быть направлены все его силы и умение,— вновь наставительно произнес лекарь, а затем, осердившись, заворчал: — И прекратите пререкаться. Мне лучше знать, что вам должно делать, а что нет. Извольте неукоснительно выполнять мои предписания, или я немедленно доложу герцогине-матушке, что вы отказываетесь следовать моим рекомендациям и посему я вынужден снять с себя всякую ответственность за ваше самочувствие.

Паж некоторое время продолжал смотреть на матре этим своим неюношеским взглядом и наконец просто отвел глаза.

— Вам понятно, молодой человек?

— Да, матре.

— Так я могу быть уверенным, что вы последуете моим рекомендациям?

— Непременно, матре.

Лекарь покачал головой, протянув пажу флакон с целебным настоем, развернулся и двинулся в сторону винтовой лестницы. Нет, матушка-герцогиня, конечно, святое существо, просто переполненное заботой о страждущих и больных, но ему, матре Эшлиронту, ее заботы часто выходят боком. Подумать только, он просто измучился, взбираясь на этакую высоту по столь неудобной и тесной лесенке, и

все для того, чтобы облегчить страдания юного паж, а этот молодой сопляк вздумал поучать его, его, единственного во всем герцогстве обладателя диплома Гардидского университета, как ему лучше лечь? И куда катится мир?..

Стражник проводил мастре Эшлиронта почтительным взглядом, сохранившим, впрочем, почтение лишь до тех пор, пока спина лекаря не заняла всю входную арку. Затем взгляд сделался откровенно насмешливым. Слава мастре как лекаря, к которому не стоит обращаться при любой мало-мальски серьезной травме, уже давно и прочно утвердилась в солдатских казармах. Поэтому взгляд стража, направленный в спину мастре, самому мастре сейчас бы точно не понравился.

Едва раскаты эха от шумного сопения лекаря, доносящиеся с лестницы, утихли, как из галереи послышался стук костыля. Стражник повернул голову. Спустя пару мгновений из-за поворота коридора возник мальчишка-паж. Он остановился и несколько мгновений смотрел в арку винтовой лестницы, а затем перевел взгляд на стража.

— Солдат.

— Да, ваша милость? — Несмотря на учтивые слова, с каковыми и должен отзываться простой солдат на обращение пусть юного, но дворянина, тон, которым они были произнесены, отнюдь не был учтивым. Стражник отозвался небрежно, с этакой ленцой.

— У вас в казарме есть костоправ?

Стражник заинтересованно воззрился на паж. Это что же, их милость решил отвергнуть уход дипломированного специалиста и обратиться к полуграмотному полковому костоправу? Чудны дела твои, Владетель.

— Есть... вроде как.

— Что значит вроде как?

— Ну... вправлять кости он вроде как умеет, но официально он простой стражник. Без дипломов и патентов.

— Мне такой и нужен, а то эти местные ученые... — неопределенно хмыкнув, пробурчал паж и, окинув взглядом стража, спросил: — Можешь привести его ко мне в комнату сегодня вечером?

— Э-э-э, ваша милость, — замотал головой страж, — это никак не возможно. Нашему брату в эту часть замка доступа нет, ежели только не по службе.

— Вот как... — Паж задумчиво прикусил губу. — А где этот ваш костоправ обычно принимает?

— Дык на конюшне, где ж еще? У старины Гыма никаких собственных апартаментов отродясь не бывало. А в казарме, кроме нар да пары лавок, никакой другой мебели и нет. Совсем ранетого положить негде.

— Угу, — кивнул паж, размышляя о чем-то.

Страж заинтересованно пялился на молодого барыча. Неужто тот собирается позволить себе кости ломать? Оно так по уму-то и верно, но это ж какую боль пацану терпеть придется. Да и непонятно, будет ли с этого толк? Эвон как ногу-то перекрутило, да и ходит молодой дворянчик ногу подволакивая. Совсем, видно, та не двигается.

— Вот что, солдат, хочешь заработать серебряный?

— Так ведь кто ж этого не хочет,— оживился стражник.

— Тогда передай этому вашему старине Гыму, что мне нужно ногу сломать. А затем по новой ее срastить. Чтoб я мог на своих двоих ходить, а не с костылем да по стеночке.

— Передать-то можно,— протянул страж, настойчиво сверля взглядом пажу,— отчего ж не передать.

Но тот не поддался на разводку. Лишь усмехнулся и качнул головой.

— Вот-вот, передай. А как принесешь мне ответ, когда и где ваш костоправ согласится меня попользовать, тогда и получишь свой серебряный.

Паж повернулся и, неторопливо ковыляя, исчез за углом, мерно стуча костылем. Стражник некоторое время прислушивался к удаляющемуся и становившемуся все глуше и глуше стуку, затем закрипела дверь, и все стихло. Стражник недовольно поморщился, сдвинул шлем на затылок и почесал лоб. Эк барыч все повернул — теперь ему, чтобы заработать свой законный серебряный, надобно не только передать старине Гыму просьбу, но еще и уговорить того заняться этим делом. Впрочем, это было не слишком сложно. Старина Гым был мужчиной покладистым и, как и любой мастер, получал от своего умения не только прибыль и уважение, но и истинное удовольствие. Так что достаточно пары кружек сидра, и дело можно будет считать сделанным. От этих мыслей страж заметно повеселел и принялся теперь уже планировать, как и на что потратит заработанный серебряный. Впрочем, особых забот это планирование ему не доставило. Ну на что еще может солдат потратить свалившиеся на него деньги, как не на трактир? Так что все планирование свелось к тому, чтобы решить, в какой из трактиров идти и кого звать. А и по первому вопросу, и по второму все планы стражника были составлены уже давно и прочно...

2

— А-а-а!!! — Грон откинулся на спину и судорожно вздохнул. От дикой боли его едва не вывернуло наизнанку.

— Вы уж потерпите, ваша милость,— прогудел над ухом густой бас,— а то вот возьмите кляп-то. Я вчера свеженький вырезал, березовый. Его, ежели чего, и погрызть вполне...

Грон послушно разинул рот, и тут же ему в зубы ткнулась сухая струганая деревяшка. Грон стиснул челюсти и некоторое время лежал так, не шевелясь и закрыв глаза.

— Ну как, отошли малеха? — вновь прогудел тот же голос. — Продолжать-то можно?

Грон сделал еще несколько вдохов-выдохов и медленно кивнул. Спусти мгновение его правую ногу вновь захватили сильные пальцы, а затем...

— Мы-ы-ы-ы!!!!

На этот раз вопль прозвучал гораздо глуше. Но это было исключительной заслугой кляпа. Потому что голосовые связки Грона в этот раз работали ничуть не меньше, а как бы даже и не больше, чем в первый. Впрочем, вопли еще слегка заглушал хруст ломаемых костей.

— Вы кляп-то погрызите, погрызите, ваша милость, — вновь прогудел знакомый бас. — Береза — дерево сладкое, вреда от него организму никакого, одна польза. Я из Ставорья, так там у нас по весне, как первые прогалины появляются, и стар и млад с бадьями в лес идут. Березового соку набрать. Очень вещь полезительная...

Голос бормотал, убаюкивая, и Грон почувствовал, как его глаза закрываются сами собой. Что было вполне объяснимо. Перед началом процедуры старина Гым влил в него два литровых кувшина сидра.

— Мы-ыыы-ы!

Это было нечестно! Он только собрался задремать.

— Да и все уж почти, ваша милость, — вновь прорезался голос старины Гыма, — вот тут только чутка...

— Мы-ым!

— Вот и ладненько! — На этот раз голос прозвучал уже не успокаивающе, а удовлетворенно. — Эк вас покорежило-то, совсем жилы пережало. Отмирать начали. Оттого-то и нога не слушалась. Ну да ничего, мы их сейчас лезвием-то почистим.

— Ым!

— Вы уж терпите, ваша милость...

— Ым!

— А то от моего костоправства никакой пользы не будет...

— Ым!

— Окромя внешней красоты...

— Ым!

— Нога-тко так и не заработает...

— Ым!

— Ну вот и все! — Костоправ разогнулся и, покосившись за спину, рывкнул: — Шыг, корпию давай и тряпки. Вон кровящи-то натекло... И лубки готовь. Да не энти! Энти их милости будто кандалы будут, с ними еще похлеще ногу искалечить можно, вон те давай, легкие, бубковые. А ты, Азар, чего стоишь столбом? Видишь, их милость весь взопрел? Вытри ему рожу-то!

Грон попытался выплюнуть деревянный кляп, но зубы так сильно вонзились в древесину, что справиться только лишь губами и языком не удалось. Пришлось помогать себе руками.

— А вы, ваша милость, молодцом, молодцом... у меня и покрепше мужики с досок спрыгивали и пытались деру дать. Токмо теперь вам надобно полежать. С седмицу, не менее. До того времени ногу лучше не тревожить.

— Спа... спасибо... Гым... вот... — Грон облизал пересохшие губы и потянулся рукой к кошелю, специально привязанному под мышкой.

— Да ладноть, чего уж там... что можем, то можем. Вы лучше скажите, куда вас отнесть-то теперь. Потому как наверх вас теперича никак не отволочь, в спаленку-то вашу. Там лесенка уж больно крутая и узкая.

— Я... здесь... полежу... на конюшне.

— На конюшне.— Костоправ задумчиво почесал в затылке.— А и верно. Нонича никаких охот да променадов точно устраивать не будут, ну покамест новый герцог не объявится, а я за вами тут присмотрю.

Грон наконец выудил из кошеля нащупанный золотой толар и несколько монет медью.

— Вот, это тебе и... остальным.

— А им-то за что? — удивился костоправ.

— За помощь.

— Так ведь это ж мои помощники, мне из своей оплаты им и долю выделять.

— Все равно... пусть...

— Ну тогда благодарствуем,— не стал отказываться костоправ.— А ну-ка, Азар, Шыг, аккуратненько взяли их милость и перенесли вон туда... да не на сено ложите, бестолочь! Сейчас ногу надо на твердом держать, на твердом. Чтобы косточки правильно срослись!..

Так, под добродушное ворчание старины Гыма, Грон и задремал...

Две жизни назад он появился на свет под именем Казимира Яновича Пушкевича. В четырнадцать лет он потерял всю семью и оказался ввергнутым в горнило самой страшной из боен, когда-либо устроенных человечеством. Пройдя всю Вторую мировую войну и выжив, он стал известен всем разведкам мира под агентурной кличкой Клыкки, которая наилучшим образом отражала его внутреннюю сущность. Европа, Азия, Африка и обе Америки хранили следы его подошв. Он был бойцом, бойцом до мозга костей, бойцом, не знавшим, что значит не выполнить задачу либо потерпеть поражение. За это ему прощалось многое. Причем не только начальниками, но и самой судьбой. Так что когда он, уже глубоким стариком, вступил в свою последнюю схватку, в которой по любым логическим раскладам не был способен победить, судьба выбросила ему новый шанс. Шанс на вторую жизнь. Правда, уже не на Земле, а в другом мире,

переместив его сознание в тело недоразвитого четырнадцатилетнего паренька, подвизавшегося на побегушках в припортовой груде на острове Тамарис. Тот мир был чист и свеж, как Земля во времена Древних Греции и Рима. Но это не было предопределено обычной логикой развития. Просто некто, именуемый Творцом и входивший в пантеоны всех религий того мира, а на самом деле являющийся всего лишь чрезвычайно сложным искусственным устройством, регулярно, с периодичностью где-то раз в тысячу лет, устраивал глобальный катаклизм сродни Всемирному потопу, стиравший с лица того мира цивилизацию, которую люди успели создать за время, прошедшее с предыдущего катаклизма. А за тем, чтобы этот порядок оставался неизменным, наблюдала специальная организация, именуемая Орденом.

Орден обладал кое-какими технологическими возможностями, частично недоступными даже цивилизации, стоявшей на лестнице технологического развития намного выше той, из которой вышел Казимир Пушкевич, в новом мире принявший имя Грон (уж больно сильно привыкло к этому прозвищу его новое тело). Например, они обладали возможностью засекать факт переноса разума. И, справедливо предполагая, что пришельцы из чужого мира никак не будут способствовать сохранению стабильности, тут же открывали охоту на прибывших. Более пятидесяти тысяч лет, пятьдесят Эпох, эта охота неизменно оказывалась успешной. Но не в этот раз...

Грон не только выжил, расправившись со всеми, кто за ним охотился, но и принял вызов, объявив войну Ордену. И затряслась земля от мерного шага огромных армий, и забурлило море, взбаламученное тысячами весел, и закрошились камни, разбиваемые в песок тысячами кованых лошадиных копыт, и... исчез в пламени атомного взрыва Остров, местообиталище Творца, и рухнула Скала, хранившая в своих недрах могущественное Око. Так окончил свою жизнь Великий Грон, Командор легендарного Корпуса, тот, перед кем склонились люди и боги...

Чтобы очнуться в изуродованном теле юного пажа, в новом мире, внешне совершенно отличном от того, который он только что покинул, но, как Грон теперь понимал, скованном столь же кандалной неизменностью. Здесь никто не слышал о Творце, но мир был ничуть не менее неизменен. И виной этому были Владетели...

— ...Владетеля милостивого и всемогущего!

Грон проснулся оттого, что за стеной возносили молитву Владетелю. Некоторое время он лежал, прислушиваясь к мерному песнопению, а затем приподнял голову и скосил глаза вниз, рассматривая ногу. За ночь тряпки, которыми была обмотана его нога, изрядно пропитались кровью, но вскоре должен был прийти Гым и сделать перевязку. Грон опустил голову на пук соломы, который вчера вечером Шыг подоткнул ему под затылок, и задумался. Первый шаг его

планов по обоснованию в этом мире он вчера сделал. Да уж, шаг, мать его... Впрочем, столь удачное, как он теперь понимал, его появление в прошлом мире было, скорее всего, как раз исключением из правил. После первого переноса для мало-мальского анализа параметров данного явления было явно недостаточно данных, но теперь можно уже кое-что прикинуть. Итак, перенос сознания осуществляется в момент смерти человека, если при этом ему на голову надет некий артефакт с условным названием Белый Шлем. Внешний вид и возможности этого артефакта в различных мирах если и не идентичны, то очень похожи. Это позволяет сделать вывод, что данный артефакт создан кем-то, кто знает о существовании того, что Люй назвал Змеем миров, и способен в какой-то, пока непонятной, мере на них воздействовать. Сам перенос осуществляется в тело подростка четырнадцати-пятнадцати лет, находящегося в бессознательном состоянии... Все? В общем-то да. То есть, возможно, некоторые выводы не совсем корректны. Например, можно предположить, что половая принадлежность нового носителя не является жестко мужской, а задается половой принадлежностью лица, использующего Белый Шлем, но для его частного случая это несущественно. А теперь представьте, в каком состоянии должно находиться тело крепкого пятнадцатилетнего пацана, если он сам при этом без сознания... То-то. Так что можно сказать, ему еще крупно повезло. При современном уровне развития медицины этого мира вообще можно благодарить бо... вернее, хм, Владетеля, что он все еще жив и даже вроде как с ногами. Вроде как — потому что узнать, насколько лечение полкового костоправа оказалось эффективнее, чем забота герцогского лекаря, можно будет еще очень не скоро...

— Ну как вы тут, ваша милость?

Грон повернул голову. Гым стоял у входа в денник, в котором он вчера и пользовал юного пажу.

— Я тут вам кашки принес. Не ваши разносолы, конечно, но не побрезгуйте — горяченькая, с маслом. Вам сейчас кашка — самое оно.

— Спасибо, Гым.

— Давайте-ка я вам сейчас соломы под спинку подоткну, чтоб сидеть легче было,— заботливо пробормотал костоправ, ставя котелок и опускаясь на одно колено.

— Может, лучше сначала ногу посмотришь?

— Пока буду смотреть — остынет,— резонно ответил старина Гым,— да и смотреть тут нечего. Я уже и сейчас вижу, что все в порядке. То есть крови, конечно, натекло, вона тряпки все заскорузлые, но так оно все и должно быть. Так что ешьте на здоровьишко, а уж как поедите, я вашей ногой и займусь.

Грон молча кивнул и, подхватив котелок, поднес его к лицу. Вдохнул пар и мгновенно почувствовал, как рот забило слюной. Это

был хороший знак. Похоже, его организм действительно повернул на выздоровление, с юношеской жадностью расходуя на это бурные молодые силы.

— А вот и ложка! — довольно отозвался Гым, несомненно уловивший голод пациента и расценивший его совершенно так же.

Грон покосился на его довольное круглое лицо и взял протянутый столовый прибор. Прибор был под стать хозяину — раза в полтора больше обычного, оловянный и с изрядно погрызенным краем.

Покончив с кашей, Грон поставил котелок, тщательно облизал ложку, вытер ее рукавом своего камзола и протянул хозяину. Костоправ удовлетворенно кивнул и, завернув ложку в чистую тряпицу, засунул ее за голенище сапога.

— Ну а теперь уж посмотрим и вашу ногу.

С ней было все в порядке. Гым отодрал присохшие тряпки, осторожно обмыл ногу и удовлетворенно кивнул.

— Подживает все. А ну-ка, ваша милость, пошевели пальцами... А мизинцем? Хм, вот незадача. Похоже, та жила, что к мизинцу тянется, совсем отмерла. Ну да ее ужо...— Костоправ выудил из подкладки своего колета длинную иглу и, оглядевшись, подгреб поближе к себе пук соломы. Он сноровисто свернул солому в жгут, ловко щелкнув огнивом, подпалил его и хорошенько прокалил иглу.— Я, ваша милость, тут немного иглой потыкаю,— сообщил он Грону,— надо, чтобы все те жилы, что мы вчера на свои места вернули, вновь чувствовать начали. А то все зазря будет.

Грон понимающе кивнул. Стимуляция нервов, грубоватая, правда, и болезненная, ну да откуда они здесь могли...

— Ы-ый!

— Эт хорошо, значит, жилы оживать начали,— удовлетворенно пробурчал себе под нос костоправ.

— Ый, ы-ый!

— Не волнуйтесь, ваша милость, теперь точно могу сказать: еще побегаετε...

На конюшне Грон провел почти две недели. Когда он, все еще держась за стенку и подволакивая ногу, но уже без костыля, сумел наконец-таки забраться на свою верхотуру, его встретили недоуменные возгласы соседней по спальне.

— Собол, ты где пропадал? Мастре Эшлиронт о тебе уже дважды справлялся. И сильно сердился.

Грон, из которого вся эта дорога наверх высосала все силы, с шумом рухнул на свою кровать и вытянул ногу.

— Чтоб ему пусто было,— пробурчал он себе под нос,— этому мастре Эшлиронту.

Тай и Борнус, с которыми он делил спальню, переглянулись и весело прыснули.

• Площады
не будет •

— Значит, вы, граф, по-прежнему утверждаете, что не имели никакого отношения к смерти короля?

Грон молча поклонился. Повторять это в сотый раз он не считал нужным. Граф Сакриензен, сидевший во главе стола и на протяжении всего этого спектакля, который назывался очередным допросом, сверливший Грона напряженным взглядом, шевельнул пальцами. На плечо Грона легла рука стражника.

— Идем,— глухо прорычал он.

Подобное обращение можно было считать вежливым. Обычно эти ребята не снисходили до слов, а просто наподавали арестованному древком алебарды и потом, если арестант не успевал среагировать достаточно быстро, добавляли кованым сапогом. Но Грон числился в благородных, к тому же следствие явно зашло в тупик с доказательствами его вины, так что пока стража с ним особенно руки не распускала.

До комнаты, вот уже неделю являвшейся местом его заключения, Грон добрался через пять минут. Она была в этой же башне, только тремя этажами выше. Похоже, когда-то здесь была оружейная. За это говорила толстенная, окованная железом дверь с прорезанным в ней небольшим окошком и пара небольших окошек под потолком, сейчас забранных толстой решеткой. Ну и само расположение — в башне, этажом ниже стрелковой галереи, а не в подземном каземате. Но решетки и дверь с окошком были единственным, что роднило комнату с тюремной камерой. Впрочем, нет, еще параша. Столь элегантной вещью, как ночной горшок, Грона не одарили, и все свои естественные надобности он отправлял в массивную деревянную бадью, стоявшую в углу у двери. В остальном комната была обставлена вполне соответственно его рангу. У дальней от двери стены стояла кровать, рядом с ней кресло, перед ним небольшой стол и высокий напольный подсвечник на шесть свечей. Надо признаться, по нынешним временам условия содержания были просто царские.

Войдя внутрь, Грон расстегнул камзол и, стянув его с плеч, бросил в кресло, после чего вытянулся на кровати, заложив руки за голову. Дознание длилось уже почти месяц. И то, что это было именно дознание, пусть и запутанное, наполненное интригами, клеветой, лжесвидетельством и неприкрытым политическим давлением, а не скорое судилище, просто проштамповавшее уже согласо-

ванный сторонами приговор, во многом являлось заслугой принцессы...

— Ваш ангилот, предатель и изменник! — высокопарно произнес наследник герцога Аржени.

Пожалуй, это был миг его наивысшего удовольствия. Но именно миг. Потому что в следующее мгновение раздался ледяной голос принцессы:

— Нет, граф! Я запрещаю вам отдавать свой ангилот этому ничтожеству.

Все замерли.

— Что? — ошарашенно проблеял Эжен.

Но принцесса холодно проигнорировала его овечий взбlyк. Устремив взгляд на латников, она еще выше вздернула подбородок и, демонстративно игнорируя наследника герцога Аржени, спросила:

— Кто командует этим отрядом?

Латники в замешательстве переглянулись. В тот момент, когда они покидали свои казармы, не вызывало сомнений, что их отрядом командует лейтенант королевских латников лорд Эжен, наследник герцога Аржени, в настоящий момент заправляющего всем королевским советом, но сейчас...

— Ну же? Я жду! — поторопила их принцесса. А затем добавила, подпустив в тон лошадиную дозу презрения: — Или королевские латники уже настолько забыли о верности и чести, что не только терпят в своих рядах труса и предателя, но и позволяют подобным ничтожествам отдавать себе приказы?

Лорд Эжен побагровел так, что казалось, будто еще чуть-чуть, и края шлема, касавшиеся его щек, начнут плавиться. Да как она смеет?! Но принцесса восседала на коне с таким непоколебимым апломбом, что у него просто не нашлось слов для возражений. О Владетель, все шло совершенно не так, как он себе представлял... Взгляды латников, растерянно перебегающие с принцессы на лорда, а затем на Грона, скрестились на наследнике герцога Аржени и заметно посуровели.

— Я, принцесса.— Высокий латник с роскошными седыми усами наконец решился попытаться хоть как-то разрулить ситуацию, стараниями принцессы принявшую вид тупиковой.

— Прекрасно.— Мельсиль величественно кивнула.— В таком случае, раз в отношении графа Загулема и...— принцесса сделала о-очень многозначительную паузу,— моего жениха королевским советом выдвинуты столь серьезные обвинения, прошу вас принять его ангилот.

Взгляды латников мгновенно переместились с потного и побагровевшего лица лорда Эжена на спокойное и даже этак слегка задумчивое лицо Грона. И он получил возможность полюбоваться

чрезвычайно широкой гаммой отразившихся в них человеческих эмоций — от восхищения до зависти и даже сочувствия.

— Кроме того, я прошу вас оградить меня от общества человека, которого я считаю трусом и предателем, пренебрегшим честью и долгом как дворянина, так и королевского латника.

— Да как ты смеешь?! — взвился лорд Эжен. — Ты... мра...

Он задохнулся от возмущения, и принцесса мгновенно воспользовалась возможностью еще больше «развернуть» ситуацию:

— А особенно от всяческих оскорблений с его стороны!

— Ах ты, шлюха!

— Мой лорд! — Латник, вынужденно принявший на себя бразды правления отрядом, тронул коня и выехал чуть вперед, попытавшись встать между наследником герцога Аржени и Мельсиль. — Я попросил бы вас воздержаться от подобных выражений в отношении ее высочества.

Но Эжена уже понесло.

— Прочь с дороги, бестолочь! — заорал он, выхватывая меч из ножен. — Прочь, я сказал, или мой отец отправит тебя на виселицу!

А вот этого говорить не следовало. Королевские латники были элитным полком, спаянным долгой совместной службой и множеством битв, которые они прошли. И, несмотря на то что в этом полку считали за честь служить представители знатнейших фамилий королевства, его основу составляли мелкопоместные дворяне, для которых служба зачастую была едва ли не единственным источником существования. Поэтому в полку наличествовала атмосфера высокого воинского братства, тщательно лелеемая каждым латником от рядового бойца до самого командира, которым по традиции являлся сам король. Так что даже такие «временные» латники, как лорд Эжен, вследствие высокого происхождения и вызванных этим всяческих послаблений скорее числившиеся латниками, чем действительно тянущие служебную лямку, должны были ясно представлять себе, к чему приведет угроза отправить на виселицу своего брата-латника. Однако наследник герцога Аржени очередной раз показал себя высокомерным придурком. Седоусый латник мгновенно помрачнел и негромко приказал:

— К плечу!

Вокруг послышалось змеиное шипение, с каковым тяжелые мечи покидали свои ножны. Лорд Эжен дернулся и затравленно огляделся. Взгляд его всюду наткнулся на сурово нахмуренные лица и блеск мечей, строго по-уставному покачивающих остриями над правым плечом в готовности к удару.

— Вы... вам... я вам... ну погодите же! — злобно прошипел он и, развернув коня, бросил его в галоп.

Когда топот копыт затих, седоусый латник отвесил легкий поклон принцессе, а затем повернулся к Грону и произнес:

— Граф, я надеюсь, вы, как благородный человек и... — Он слегка запнулся, но затем все-таки произнес: — Жених ее высочества, проявите благоразумие и соблаговолите отдать мне свой ангилот.

Грон молча кивнул и, выметнув из ножен ангилот, подал его латнику рукояткой вперед. После всего произошедшего опасность, что его не доvezут живым до Агбер-порта либо сразу по приезде тихонько придушат в дальней камере, больше не было. Он сам не смог бы разложить ситуацию лучше, чем это только что сделала принцесса. Мгновенно оценить обстановку и всего лишь в десятиминутной интерлюдии практически перетянуть на свою сторону лучший полк королевства, выбить из всех раскладов одну из ключевых публичных фигур, каковым, несомненно, являлся лорд Эжен, да еще и заставить лагерь противника хоть в тактическом плане, но перейти от обвинений в трусости и предательстве к обороне... это надо было суметь. Впрочем, Мельсиль пока не собиралась останавливаться.

— Благодарю вас, мои верные воины,— заговорила принцесса, едва лишь ангилот Грона оказался в руках седоусого.— Я не сомневалась в вашей верности трону и королевству. И мне радостно, что я не ошиблась.— Она потупила глаза и коротко вздохнула.— Я вижу, что история предательства того, кто столь не по праву носит ваши доспехи, и моего пленения еще не достигла ваших ушей во всех подробностях. Ибо иначе, я не сомневаюсь, вы бы никогда не позволили ему продолжать числиться в вашем полку. Но я обещаю завтра же лично прийти в ваши казармы и рассказать о том, почему граф Загулема и мой жених был вынужден оставить заботы о своем поместье и лично отправиться вызволять меня из застенков, в которые привело меня это предательство. Именно тогда я смогла оценить его доблесть и мужество, поразившие меня в самое сердце.

Взгляды латников снова скрестились на Гроне. И на этот раз восхищенных было намного больше. Да-а, судя по первичным реакциям, озвученная лордом Эженом версия о его причастности к отравлению короля и попытке узурпации власти не пользовалась безоговорочной поддержкой. Интересно, кому, сколько и чего пообещал герцог Аржени за собственную поддержку, чтобы эта версия вообще была принята как рабочая?

— Я прошу вас, господин...

— Сержант Каргей, ваше высочество,— услужливо подсказал седоусый.

— Да-да, спасибо, маркиз Каргей.— Мельсиль, невинно взмахнув ресницами, очаровательно улыбнулась, заставив всех латников замереть от восхищения (а новоиспеченного маркиза Каргея от двух причин сразу).— Я прошу вас отправить вперед посольных, дабы передать моим фрейлинам приказ немедленно собраться в моих покоях. А также просьбу барону Шамсмели, вашему командиру, поскольку я осталась единственной представительницей королевской фамилии,

встретить меня как подобает при прибытии члена королевской семьи, выведя королевских латников на улицы столицы.

Грон мысленно усмехнулся. Да уж, после подобной встречи, да еще после того, что порасскажут о только что произошедшем остальных латники, у заговорщиков не будет практически ни единого шанса заставить столичный гарнизон пойти наперекор воле принцессы. А уж когда она выступит в казармах латников... Оставалось задуматься, на что вообще рассчитывали заговорщики. Хотя если основным источником информации о принцессе, Гроне и Черном бароне для заговорщиков служил лорд Эжен, пожалуй, удивляться не стоило. Ибо в интерпретации наследника герцога Аржени мир был устроен так: в центре на белом коне (троне, носу корабля, самой высокой башне) он сам, а вокруг мелкие презренные людишки, счастливые, если он обращает на них свое благосклонное внимание, и пребывающие в страхе и панике, если чем-то вызвали его неудовольствие. Оставалось только удивиться тому, что герцог Аржени не знал о столь однобоком восприятии действительности своим наследником.

Впрочем, не исключено, что он и сам страдал чем-то подобным. У представителей столь богатых и знатных родов это отнюдь не редкость. Сами по себе богатство и знатность, то есть сильные стартовые условия, как раз наоборот, сильно ухудшают возможности развития и воспитания воли. И если старшее поколение этого не учитывает и не пытается как-то купировать, из младшего вырастают знатные придурки, не способные ни адекватно оценить ситуацию, ни справиться с мало-мальски серьезными вызовами... Впрочем, до поры до времени это совершенно не мешает им наслаждаться жизнью. Как говорится, бегемоты обладают чрезвычайно слабым зрением, однако в связи с их массой и размерами это не их проблема. Но именно до поры до времени...

Грон проснулся оттого, что кожа лица ощутила ток воздуха. Это могло означать только одно — что кто-то открыл дверь. Но дверь его комнаты-камеры всегда открывалась с жутким скрипом заржавленных петель, от которого Грон несомненно проснулся бы. И если этого не произошло, значит, некто, открывший дверь, специально озаботился тем, чтобы Грон не проснулся от скрипа. А отсюда следовал вполне логичный вывод о том, что этот самый «некто» проник в его камеру с явно враждебными намерениями. Не сказать, чтобы Грона это удивило. В конце концов, за последнюю неделю даже до самых тупых (к каковым явно относилась вся семейка Аржени) уже должно было дойти, что простая и на первый взгляд элегантная двухходовка с отравлением короля и обвинением в этом преступлении Грона окончательно забуксовала. И если не предпринять неких дополнительных усилий, вся наспех сляпанная конструкция, призванная одновременно перераспределить власть в королевстве и

устранить возможного конкурента, непременно рухнет. Причем с большой долей вероятности погребя под собой ее незадачливых конструкторов. Ибо все шло к тому, что, несмотря на все приложенные усилия, Грона все-таки оправдают, а смерть короля суть такое преступление, виновные в котором непременно должны быть названы.

К исходу второй недели дознания уже мало у кого оставались сомнения, что принцесса и примкнувшие к ней граф Эгерит, барон Экарт и еще несколько аристократов, давно знакомых с ним, с ее высочеством и прекрасно осведомленных о ее истинном влиянии и положении при дворе ее отца, а также о ее возможностях и способностях, не просто намерены доказать вину истинных убийц короля, но еще и вполне способны воплотить это намерение в жизнь. Так что у инициаторов этой злополучной двухходовки просто не было выхода, кроме как попытаться, так сказать, разрубить гордиев узел. Например, превратив основного обвиняемого в молчаливый труп. На который было пока еще возможно (хотя уже и не очень удобно) списать все грехи. А то он не только оказался слишком уж неуступчивым по отношению к уже почти опознанным всеми, но пока еще осторожно не озвученным вслух «доброжелателям», так по-доброму, но настойчиво подталкивающим его к плахе, да еще и, как выяснилось, успел обзавестись весьма влиятельными сторонниками, число которых к тому же увеличивалось с каждым днем дознания... В конце концов, Грон был пришлый, не значился ни в каких раскладах, и, по расчетам инициаторов двухходовки, с его устранением коалиция по его защите, сложившаяся, на их взгляд, совершенно стихийно, должна была распаться сама собой. А если есть труп, на который можно списать все грехи, то в дело вступают уже другие резоны. И поле для торговли резко расширяется.

Готовиться к подобному развитию событий Грон начал еще неделю назад, просчитав, что количество вариантов сего действия весьма ограничено. Причем он больше грешил на яд. Более того, за сегодняшним ужином ему показалось, что поданное вино излишне приправлено пряностями. Как будто кто-то хотел специально по сильнее забить вкусовые рецепторы. Поэтому он аккуратно сплюнул уже набранный в рот глоток обратно в стакан, а затем, улучив момент, когда за окошком двери не маячило лицо стражника, аккуратно вылил весь кувшин в парашу. Однако, несмотря на то что весь вечер он провалялся на кровати, имитируя то ли сон, то ли смерть, за все прошедшее время никто не пытался зайти к нему в камеру и проконтролировать, как действовал яд. Так что Грон уснул спокойно. Но, как теперь выяснилось, даже если яд и имел место, люди решили подстраховаться...

Удар он пропустил. Ну не то чтобы совсем... лезвие кинжала пропороло перину и воткнулось в доски основания кровати, в которой

Грона уже не было. А в следующее мгновение несостоявшийся убийца уже летел на пол. Грон же, только что довольно технично исполнивший «ножницы», резко развернулся, ухватил противника за пятку и, дернув, заставил ошарашенного убийцу с коротким вскриком развернуться на живот, после чего загнал его пятку под свой коленный сгиб и уселся на его согнутую ногу. В таком положении можно было и поговорить.

— Кто тебя послал? — тихо спросил Грон и, не дождавшись ответа в течение пары секунд, слегка нажал всей массой на пятку.

— Ый! — взвыл несостоявшийся убийца.

— Будешь молчать — сломаю ступню. Сначала. А что буду делать позже, тебе лучше даже не представлять. Понятно? — Для убедительности Грон еще раз нажал на пятку.

— Ы-ы-ым! — снова взвыл убийца.

— Не слышу внятного ответа, — сердито буркнул Грон и... с легким хрустом вывернул ступню из суставной сумки.

— А-а-а-а! — взвыло под ним.

Но Грон уже деловито согнул другую ногу своего пленника, удобно устроив уже ее пятку под своим коленным сгибом.

— Еще раз спрашиваю: понятно?

— Д-да, господин!

— Отлично. Итак, повторяю вопрос: кто тебя послал?

— Хс... Холслов.

Грон наморщил лоб. Он такого не знал.

— Кто это? — спросил он, для большей убедительности слегка шевельнув коленным сгибом.

— Ый! — коротко взвыл несостоявшийся убийца, но, правильно уловив логический посыл, тут же заговорил: — Это... человек Аржени... так говорят... Он убивает для них... и все такое...

Грон задумался. Пожалуй, убивать этого типа не следовало. Подобный свидетель мог оказаться полезным. Хотя руки чесались.

— А где он сейчас?

— Не знаю... Ый-ый!.. Я правда не знаю, господин!

— Думай, а то сломаю и вторую ступню, а затем перейду к чему-нибудь по-настоящему больному, — пообещал ему Грон, усиливая нажим на ступню.

За свои прошлые жизни он не раз встречался с подобными тварями. Несмотря на внешнюю тупость, они, как правило, обладают такой примитивной, животной хитростью. И часто способны по случайно оброненным словам, по косым взглядам, по вскользь брошенным кривым усмешкам разгадать с очень высокой степенью вероятности намерения работодателей. О чем большинство из таковых вследствие испытываемого к подобным типам презрения даже не догадываются. Так что если поднажать...

— Я... мне... я не знаю... — заюлил несостоявшийся убийца.

И Грон с невозмутимым видом сломал ему и вторую ногу. Тем более что это полностью входило в его планы. Вполне возможно, что по итогам допроса ему придется покинуть камеру и переместиться куда-то еще, а времени на связывание пленника может и не остаться. Поэтому следовало заранее, уже в процессе допроса максимально его обездвигить.

— Ы-ы-а-а-а! — завопил убийца, а Грон вполне себе спокойно и деловито перехватил на болевой его правую руку и таким безразличным тоном спросил:

— Ну?

— Он... это... господин... я не знаю точно... но он хотел посетить покои графа Сакриензена. Он... герцог Аржени был так рассержен тем, как граф ведет дело. И еще... он собирался взять ваш ангилот.

Грон нахмурился, а затем точным движением руки приложил несостоявшемуся убийце рукояткой его же кинжала по затылку, отчего тело, на котором он сидел, тут же обмякло.

Значит, вот оно как, подумал он, поднимаясь, не просто зарезать строптивного пленника, но еще представить дело так, что будто бы он зарезал председателя собственного суда. Хотя не совсем понятно, зачем в этом случае его самого собирались зарезать в его собственной камере? Логично было бы, скажем, опоить его... хотя кто сказал, что в вине, которое ему подали за ужином, был именно яд, а не сонное зелье? А резать его решил уже этот незадачливый стражник по собственной инициативе, по каким-то признакам поняв, что с сонным зельем ничего не вышло. Либо просто перепугавшись. В конце концов, за прошедший месяц он стараниями принцессы, прибывших с ним дворян из Загулема и остальных членов достаточно стихийно образовавшейся партии его сторонников стал в Агбере довольно популярной личностью, которой приписывались небывалая доблесть и сила.

Все эти мысли пронеслись в голове Грона, пока он быстро бежал по коридорам и лестничным пролетам башни маршрутом, ставшим для него за прошедший месяц почти привычным. Где располагались покои графа Сакриензена, он, естественно, точно не знал, но, судя по некоторым признакам, где-то недалеко от зала, где его регулярно допрашивали. Так, например, граф как-то вошел в зал, где происходил допрос Грона, на ходу вытирая руки платком, а однажды — так же на ходу поправляя воротник-жабо. А уж где находится этот зал и дорогу до него, Грон за прошедшее время усвоил прочно.

Уточнить направление ему помог голос, прозвучавший в гулкой ночной тишине довольно громко:

— ...поплатятся за это.

Грон резко затормозил и, перехватив кинжал убийцы, являющийся его единственным оружием (не вооружаться же в узких коридо-

рах громоздкой алебардой), осторожно двинулся вперед. Через пару поворотов он увидел полуоткрытую дверь, из проема которой лился не слишком яркий свет, ну как будто внутри помещения горела небольшая масляная лампа.

— Вы слышите, что я вам говорю? — снова повторил голос, очень похожий на голос графа Сакриензена.

Грон замер. Судя по тому, что собеседник, к которому обращался граф, не ответил, он явно отвлекся на нечто более интересное. И Грон имел все основания подозревать, что этим более интересным являлся он сам. Что, впрочем, было вполне обоснованно. Он торопился, а грохот каблуков в такой тишине должен был разноситься достаточно далеко. И вывод из всего вышеизложенного следовал вполне однозначный — вот прямо сейчас его попытаются убить.

Грон максимально согнулся и осторожно двинулся вперед. Если некто, притаившийся внутри помещения, попытается нанести удар вслепую, из-за угла, его клинок должен был пройти гораздо выше.

Подобравшись к косяку, он прислушался. Граф Сакриензен молчал. Из-за распахнутой двери доносилось чье-то шумное дыхание, возможно, именно графа. Грон замер, обдумывая ситуацию.

— Э-э-э, граф Загулема? — с этойкой подчеркнуто пренебрежительной ленцой осведомился чей-то голос из комнаты.— Если вы там, советую вам показаться. А то у моего слуги может устать рука, и тогда его нож перережет горло вашему судье.

Ага, значит, их в помещении двое. Как минимум. Да здравствуют болтливые придурки, любящие корчить из себя крутых подонков. Грон задумался.

— Ну так где вы, граф? Должен признаться, что у Нисееля довольно слабая рука. Она уже дрожит...

— Зачем вам так надо, чтобы смерть графа записали на мой счет? — быстро спросил Грон.

— На ваш? — Удивление его невидимого собеседника было настолько откровенно, даже издевательски деланым, что никаких сомнений в словах Грона ни у кого из слышавших этот разговор остаться не должно.— С чего вы взяли?

— А зачем вы украли мой ангилот?

— Не украд, а взял,— раздраженно заявил голос.— Ну хватит, выходите! Пора кончать этот балаган...

Грон выпрямился и, завизившись, стянул с плеч камзол, который успел натянуть, когда выскочил из комнаты. Встряхнув его на вытянутой руке, он произнес:

— Я выхожу, подонок, и молись всем своим богам, чтобы...— Не закончив фразы, он широким взмахом вбросил камзол в проем двери.

Внутри что-то гулко звякнуло, и камзол последовательно пробила сначала короткая стрелка, а затем узкий нож. Стрелка вонзилась в противоположную стену, а нож, звякнув о камень, упал на пол.

В следующее мгновение Грон, пригнувшись, метнулся в проем, на ходу подхватив упавший нож левой рукой.

Нападавших в комнате было трое. Один, одетый в колет из темной кожи, такие же штаны и ботфорты, стоял, держа в одной руке его собственный ангилот, а в другой компактный карманный вариант пружинного арбалета; второй, здоровяк, которого только издеваясь можно было обозвать человеком со слабой рукой, удерживал графа Сакриензена, действительно держа у его горла нож; а третий, худой, жилистый тип, застыл с вытянутой рукой, из которой, как видно, только что вылетел нож. Грон качнулся вперед, на ходу метнув кинжал, отнятый у убийцы, метя в глаз здоровяку. И его движение тут же привело всю группу в действие.

— Киссень! — заорал тип в колете, опуская руку с карманным арбалетом и вскидывая ангилот. — Обходи его!

Киссень, каковым оказался тот самый жилистый тип, тут же метнулся влево, извлекая откуда-то здоровенный тесак, скорее напоминающий мясницкий нож, чем боевое оружие, но от этого не менее опасный, а сам главарь взмахнул ангилотом, делая шаг вперед. Но Грон уже перехватил подобранный нож за лезвие и мягким движением кисти послал его вперед, прямо в грудь типа в колете. Тот судорожно махнул ангилотом, то ли попытавшись отбить летящий нож, то ли просто рефлекторно среагировав на движение, но затем всхрапнул, сделал шаг вперед, опустил руку с ангилотом, уперев его в пол, будто попытавшись использовать в виде трости, а потом его колени подогнулись, и он рухнул на пол. Здоровяк, держащий графа, к этому моменту тоже уже завалился на спину и сполз по стене. У Грона остался только один противник.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. В углу, держась за оцарапанное падавшим здоровяком горло, хрипло дышал на первый взгляд вполне себе целый и почти здоровый граф Сакриензен.

— И чего вы теперь делать будете, ваша милость? — ослабившись, поинтересовался жилистый.

— Если вынудишь, прикончу и тебя, — спокойно сообщил ему Грон.

— И чем это?

Грон усмехнулся:

— Один кинжал против ангилота, арбалета, ножей и тесака — тоже не слишком выигрышное соотношение. Однако два — ноль в мою пользу. Почему ты думаешь, что с тобой у меня возникнут какие-то сложности? — небрежно поинтересовался он, продолжая лихорадочно просчитывать варианты развития событий.

В одном этот тип был прав: никакого оружия у него в данный момент действительно не осталось. А оружие есть оружие, что бы и кто бы там ни говорил...

Однако его речь, похоже, придала мыслям жилистого несколько иное направление. Потому что кривая ухмылочка сползла с его лица, и он, настороженно следя за Гроном, начал бочком-бочком двигаться в сторону двери.

— Стой, — остановил его Грон.

Жилистый замер.

— Ты ничего не хочешь мне сообщить?

— Чего? — В голосе жилистого послышались озадаченные нотки.

— Ну подумай сам, — рассудительно начал Грон, — после всего произошедшего мое заключение уже совершенно точно дело прошлого. Но у меня образовалось много вопросов. И поскольку утром я явно окажусь на свободе, то вполне могу отодвинуть все свои дела и вплотную и, заметь, вдумчиво и настойчиво заняться поиском одного случайного встречного, который, как мне сейчас представляется, может рассказать мне много интересного. Так что я бы на твоём месте рассказал все прямо сейчас. Дабы желание тебя разыскать возникло только лишь у королевских стражников. И ни у кого больше. Понимаешь, о чем я?

Жилистый некоторое время молчал, переваривая слова Грона, а затем хмыкнул:

— Если я чего скажу, так меня все одно — того...

— Скорее тебя того, если ты ничего не скажешь, — отозвался Грон, скрещивая руки на груди. Человек со скрещенными руками подсознательно воспринимается как настроенный на оборону, а не на нападение, поэтому жилистый чуть расслабился, чего Грон и добивался. — Неужели ты думаешь, что те, кто тебя нанял, оставят тебя в покое, зная, что может разболтать твой язык? Лучше сделать так, чтобы им уже незачем было на тебя охотиться. — Грон сделал паузу, а затем уточнил: — Ну кроме мести, конечно, если благородные господа озаботятся мстью какому-то разбойнику. Но и здесь есть резон рассказать все, что знаешь. Поскольку чем больше после твоего рассказа возникнет проблем у твоих нанимателей, тем меньше у них останется сил и времени, чтобы заниматься тобою. Не так ли?

Жилистый восхищенно цокнул языком:

— Эж вы все хитро повернули, ваша милость... Вам бы королевским дознавателем работать — воры бы сами во всем признавались, да еще и рухлядь несли.

Грон криво усмехнулся. Ну не хочешь по-хорошему, спросим по-другому:

— Что ж, тогда я советую тебе хотя бы точно определиться, кто для тебя опасней, — с металлом в голосе произнес он.

Жилистый напрягся. Шутки кончились. Несколько мгновений он сверлил Грона тяжелым взглядом, а затем обреченно вздохнул и заговорил...

Часть первая МЯТЕЖ

1

— Таким образом, уважаемые члены королевского совета, мятеж герцога Аржени может быть подавлен максимум к исходу следующего месяца...

Грон молча сидел в дальнем углу на небольшом диванчике, привалившись спиной к стене, и помалкивал. План, изложенный коннетаблем двора, был безупречен. Ну почти... Вот только он не учитывал того, что на самом деле инициатором этого мятежа был отнюдь не герцог Аржени. И даже не король Насии, который непременно должен был вмешаться. А Черный барон. Поэтому весь совершенно безупречный план коннетабля, вполне себе в духе германского генерального штаба «айн колонен марширен... цвай колонен марширен...», должен был посыпаться буквально с первых шагов. Коннетабль, какковым в настоящий момент являлся ярый враг герцогов Аржени герцог Тосколла, был чрезвычайно скрупулезным человеком и, очевидно, талантливым логистиком. Но абсолютно никаким полководцем. Возможно, именно поэтому ныне покойный король Агбера так долго проторчал под Генобом. Однако Грон не собирался возглашать сию истину в этом благородном собрании. По нескольким причинам...

Его освобождение скорее даже не состоялось, а, так сказать, было зафиксировано еще той ночью, когда и произошло нападение. Как выяснилось, той ночью заговорщики кроме всего прочего попытались еще и захватить или убить принцессу. Причем отряд, на который возлагалась эта задача, возглавил незабвенный лорд Эжен, который вот уже на протяжении двух недель носа не казал из мощного, напоминающего настоящий замок столичного поместья герцога Аржени. Как выяснилось, Грон в своих предположениях оказался прав, и версия о нападении на принцессу, которую привез Эжен, в корне отличалась от того, что произошло на самом деле.

По его рассказу выходило, что во всем виноваты сержант королевских латников, не организовавший охрану должным образом, виконт Омисерион, мадемуазель Казирам, но только не он, мужественно и храбро защищавший ее высочество до последнего мига. А уж граф Загулема, на протяжении всего путешествия грязно помогавшийся принцессе, а затем коварно наведший на нее, с негодованием

отвергшую его домогания, презренных насинцев, вообще выглядел в свете всего изложенного исчадием ада. Так что обвинения Грона в попытке узурпации власти должны были бы упасть на уже подготовленную почву. Вот только семейка Аржени не учла, что как в свете, так и среди простолюдинов уже давно закрепилась привычка делить все утверждаемое семейством Аржени как минимум на четыре, а то и больше. Тем более слава оногъера Грона, целых два года защищавшего столицу от огромной армии насинцев, а затем дерзко захватившего у ненавистного врага целое графство, еще не успела совсем уж сойти на нет.

Несмотря на то что Аржени буквально горстями разбрасывали деньги распространителям слухов и сочинителям подметных писем, большинство только недоверчиво качало головами. Поэтому когда в дело вступила принцесса, начавшая распространять свою версию нападения на нее людей Черного барона, ее усилия довольно быстро увенчались полным успехом. Услышав интерпретацию произошедшего, исходящую из казарм королевских латников или от фрейлин ее высочества, люди только удовлетворенно кивали и перешептывались друг с другом: «Ну, что я тебе говорил? Мне с самого начала было ясно, что здесь не все чисто!» Так что если официальных обвинений наследнику герцога Аржени пока и не предъявляли, по Агбер-порту шлялось немало дворян как из числа офицеров полков столичного гарнизона во главе с изрядно разозленными королевскими латниками, так и просто любителей подраться, жаждущих вызвать «этого труса и мерзавца» на дуэль...

К счастью, Мельсиль оказалась вполне предусмотрительной и не только заранее усилила свою охрану, но еще и попросила исполняющего обязанности командира королевских латников барона Шамсмели на всякий случай разместить поблизости от ее покоев десяток латников. И лорду Эжену в ту ночь наконец-то достался удар, на который он давно напрашивался. А когда поднятая по тревоге королевская стража добралась до башни, где содержался Грон, то застала его скучающим на стуле в комнате ожидания зала для допросов с собственным ангилотом на коленях. Внутри же зала полностью одетый и сурово насупленный граф Сакриензен допрашивал незадачливого убийцу со сломанными ногами, которого Грон приволок из своей камеры. Не успели стражники окружить спокойно наблюдающего за их маневрами Грона, как двери зала допросов распахнулись, и высунувшийся оттуда граф парой фраз довел до сведения старшего над стражниками, что не имеет к текущему положению и состоянию графа Загулема никаких претензий. Поэтому когда на центральной, храмовой и портовой площадях Агбер-порта глашатаи объявили, что с графа Загулема полностью снимаются все обвинения, Грон уже вполне спокойно разгуливал по дворцу с собственным ангилотом на поясе, старательно игнорируемый стражей. Вернее, если быть точ-

ным, к тому моменту уже не разгуливал. Потому что за полчаса до сего объявления он добрался-таки до личных покоев Мельсиль, с которой не виделся уже месяц (Аржени бдительно следили, чтобы не было никаких контактов между обвиняемым в убийстве короля и дочерью убитого, «впавшей в безумие вследствие случившейся трагедии», по старательно распространяемой все теми же платными разносчиками слухов версии, отчего она сразу же была всеми поднята на смех). После чего было поспешно объявлено, что ее высочество отменяет на сегодня все аудиенции...

Первый запал прошел, и Грон лежал на кровати, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери ванной комнаты бодрому голосу Мельсиль. Еще несколько минут назад в изнеможении и тяжело дыша, разметавшаяся на простынях после бурного взрыва страстей, сейчас она мелодично напевала балладу Вийона, которую Грон сам же и ввел в обращение.

Грон попытался проанализировать ситуацию. То, что заговорщики решили идти ва-банк, было скорее жестом отчаяния, чем продуманным шагом. Хотя после некоторого размышления стоило признать, что сам план оказался продуман вовсе не плохо. Исполнение подкачало. Вообще, можно было констатировать, что для создания свой группы влияния в Агбере Черный барон выбрал не тех людей. Герцоги Аржени достигли своего потолка. Более высокого положения и большего влияния, чем они имели сейчас, достигнуть им было не дано. Да и это положение во многом сохранялось потому, что герцоги не предпринимали ничего, чтобы изменить достигнутое. Ибо любая их попытка изменить хоть что-то непременно привела бы к ухудшению их положения и уменьшению влияния. Ну вот есть такая порода людей, которым лучше ничего не делать. Только хуже будет... Что, впрочем, прекрасно доказывало все уже произошедшее. Едва нынешний глава дома Аржени начал действовать, как спустя всего лишь несколько недель единственным выходом для дома Аржени стал открытый мятеж с крайне слабыми перспективами на успех. И это при том, что сам Грон пока еще ни в чем особенно не участвовал и собственные ресурсы не задействовал. Да уж, очень неудачный выбор... Впрочем, для человека, мыслящего парадигмами «Незаменимых людей нет» и «Люди — винтики в социальной машине», подобный подход вообще характерен. На этом и будем его ловить... А пока мы имеем следующее: Эжен — мертв, и это поставило Мельсиль и ее партию в смертельную оппозицию к герцогу Аржени. Значит, задача номер один для их партии — это вывести всю семейку Аржени за рамки. А это обещало столь жирный кус, что к партии принцессы (опять же благодаря затеянному герцогом Аржени, пусть и с подачи Черного барона, комплоту), успевшей и оформиться, и зарекомендовать себя как достаточно влиятельная сила, тут же прикнули даже те, кто собирался мирно отсидеться в стороне все время

дележки власти. Грону предстояло решить, что и как в этой каше делать ему. Ибо все те планы, что он строил в Загулеме, теперь, после смерти короля, пошли псу под хвост. Операционную базу теперь совершенно точно необходимо перенести в Агбер-порт, барон Экарт оказался занят в других раскладах, да и ситуация изменилась...

По зрелом размышлении основных вариантов просматривалось три. Во-первых, можно было не мешать принцессе и графу Эгериту вести свою партию. Вне всякого сомнения, после цепи ошибок и неудач, предательства союзников и довольно тяжелой военной кампании против непременно вязавшейся Насии они должны были выиграть схватку. А уж затем, утвердившись в качестве принца-консорта, постепенно, исподволь накопив ресурсы, заняться своими планами. В этом варианте был только один недостаток: он совершенно не учитывал того, что может натворить за это время Черный барон.

Во-вторых, можно было вязаться по локоть в подавление мятежа, лезть вверх, объединять вокруг себя все доступные силы и ресурсы, завоевывать авторитет и влияние среди знати, чтобы к окончанию вне всякого сомнения тяжелой и долгой кампании подойти уже признанным лидером. Заманчиво, но этот вариант требовал максимального привлечения и задействования собственных ресурсов. Часть из которых непременно будет растрачена. А вот ресурсы примкнувших, наоборот, в достаточной мере будут сохранены. Что в конце концов может создать некоторые трудности по окончании дела, когда наступит время делить результаты. К тому же этот вариант предусматривал активную политику со стороны самого Грона, а это означало, что к исходу кампании он окажется опутанным довольно большим объемом взаимных договоренностей, обязательств, обещаний и заверений. Чего он пока хотел избежать максимальным образом.

Так что самым предпочтительным выглядел третий вариант, при котором на первом плане оказывались бы принцесса, граф Эгерит и вся партия принцессы в целом, а основной задачей Грона было бы накопление и выстраивание ресурсов для борьбы с Черным бароном на его поле. Ну и сосредоточение сил для помощи принцессе и графу в случае совсем уж критического развития ситуации и, соответственно, предъявления их в качестве козырей в момент дележа результатов. Все остальные, примкнувшие к ним, отпускались как бы в свободное плавание с возможностью совершить все те ошибки, которые они были способны совершить. Если, конечно, эти ошибки не вели к фатальным последствиям для ситуации в целом. Так он и решил.

— Кто еще хочет высказаться? — прозвучал голос графа Эгерита, ведущего заседание последней версии королевского совета, из которого исключили герцога Аржени и еще нескольких вельмож, чье желание поживиться в мутной воде, взбаламученной герцогом, оказа-

лось сильнее верности короне. При этом взгляд графа был направлен на Грона.

Но Грон молчал. Рано. Его время не только говорить, но и отдавать приказы придет тогда, когда всем... ну или хотя бы существенному большинству королевского совета станет ясно, что, если говорит граф Загулема, стоит помолчать и послушать. А пока — пусть рожают без него...

Зал заседаний королевского совета Грон покинул одним из первых, в тот момент, когда остальные присутствующие еще только поднимались со своих мест. Официально он вообще-то не являлся его членом, поскольку королевского указа о назначении графа Загулема членом королевского совета не существовало в природе. Как, впрочем, и того, кто мог его издать. Но вследствие событий последних месяцев все настолько перепуталось, что существенная часть тех, по поводу кого подобный указ существовал, могли бы войти в этот зал только в кандалах, зато их места оказались заняты теми, в отношении которых такового указа не существовало. Грон принадлежал к последним. И хотя ни родовитостью, ни влиятельностью в свете он не мог соперничать ни с одним из присутствующих, негласный титул официального жениха принцессы, а также слава удачливого полководца примиряли с ним большинство занимавших места в этом зале. А на пару-тройку завистников можно было не обращать внимания... до того момента, пока кого-нибудь из них не понадобится использовать в качестве учебного пособия для предметного урока кому-нибудь действительно важному. До этого их следовало только избегать. Что Грон успешно и делал, появляясь в зале заседаний в последний момент, занимая место на отшибе, рядом с дверью, и исчезая из зала в числе самых первых.

Добравшись до покоев принцессы, в которых он квартировал уже практически легально, Грон обнаружил там давно ожидаемых гостей. В каминной на обтянутых роскошными гобеленами диванах, скромно сложив на коленях крупные мозолистые руки, этак настоженно-испуганно озирались по сторонам Шуршан и Гаруз. А рядом в креслах, свободно развалившись, наслаждались тонким ликером Батилей и Пург.

— И на кого, господа, вы оставили оноту? — произнес Грон, оставившаяся на пороге и окидывая взглядом живописную картину.

— Грон! Онотьер! — Возгласы слились в один, и в следующее мгновение Грон очутился в крепких объятиях друзей и соратников.

Еще будучи под следствием, он с помощью барона Экарта передал в Загулем распоряжение оставаться на месте и удерживать город, не пуская туда никаких войск, подчиняющихся королевскому совету, если полномочия их командира не подтверждены лично им или принцессой. Так что все время его заключения друзья прожили в тревожном ожидании. Немудрено, что, когда из столицы пришли

вести о том, что Грон освобожден и с него сняты все обвинения, а затем и личное распоряжение Грона о немедленном прибытии к нему Шуршана с помощниками, Пург и Батилей не выдержали и рванули вместе с ним. Тут скорее оставалось удивляться, почему в каминной не сидит весь офицерский состав его оюты вкупе с сотней-другой ветеранов.

— Ладно-ладно, задушите,— рассмеялся Грон.— Ну все, хватит. Хватит!

Когда восторги улеглись, Грон уселся перед камином, развернув кресло так, чтобы видеть всех присутствующих.

— Итак, докладывайте, что сделано.

Все переглянулись, причем скорее довольно, чем недоуменно. Перед ними был прежний Грон. И это означало, что все идет своим чередом. Напряженно, неожиданно, опасно и... захватывающе интересно.

— Так это, онойтер,— первым начал Шуршан,— мастре Эмилон выделил пару подмастерьев. Одного своего, а еще одного от мастре Кузуса. Оба толковые, но особенно тот, что от мастре Эмилона. Он говорил, что собираются сделать малого компаньоном, но тот как услышал, что может послужить графу... вам то есть, онойтер, так и вцепился в ваше предложение как клещ.— Шуршан смущенно хмыкнул.

Грон понимающе кивнул. Еще перед отъездом он попросил мастре Эмилона подобрать пару человек из числа молодых приказчиков или помощников купцов, имея в виду впоследствии развернуть разведывательную сеть из числа купцов и их людей. Люди должны были годик постажироваться у Шуршана, а затем заняться созданием собственных сетей, одна из которых должна была базироваться на Агбер-порт, а другая на Загулем или даже на Зублус.

— На хозяйстве я оставил Брована, а сам, как вы и велели, вот... здесь.— Шуршан смущенно развел руками и в очередной раз покопался на диван, на котором сидел, и на стены каминной, обтянутые шелковыми обоями с золотым тиснением. В таком роскошном помещении он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Грон кивнул и перевел взгляд на Батилея. Тот, до сего момента с улыбкой слушавший доклад Шуршана, мгновенно посерьезнел и начал свою часть доклада:

— В оюту набрано еще около восьми сотен человек. Почти половина — добровольцы из городского ополчения, хорошо зарекомендовавшие себя во время осады. Остальные наемники. Восьмерых из числа новичков Шуршан взял на заметку.— Он перевел взгляд на начальника их секретных служб.

Шуршан согласно кивнул и добавил:

— И Ловкие Руки докладывал, что у него появилось несколько подозрительных типов.

Грон взглядом задал вопрос Шуршану. Совершенно очевидно было, что Черный барон давно уже взял под контроль заметную

часть главарей преступного мира Насии, да и в другие королевства вполне мог забросить свои щупальца. Поэтому еще в Загулеме Грон начал разрабатывать операцию по созданию в преступных сообществах Насии собственной сети. Для чего требовалось вначале хотя бы собрать информацию о том, какие из группировок Насии ну или для начала Зублуса находятся под контролем Черного барона, а какие пока относительно независимы. А затем, сыграв на противоречиях, провести вербовку. Для чего предполагалось использовать людей из окружения Акмонтера Ловкие Руки. Но тот упорно отказывался идти на более тесное сотрудничество, блюдя, так сказать, честь «честного вора».

— Не извольте беспокоиться, онотьер,— успокоил его Шуршан,— Акмонтер как услышал, что тут с вами приключилось, так сам прибежал и предложил подмогнуть вам с помощью его собственных связей в Агбер-порте. За вас весь Загулем теперь горой стоит. Можете не сомневаться.

Это было хорошей новостью. Грон довольно кивнул.

— Ладно,— он снова повернулся к Батилею,— значит, у нас около двух тысяч мечей.

— Две тысячи триста, если быть точным. Но твоим требованиям соответствуют всего около тысячи двухсот. Остальных еще учить и учить.

— Ничего. Время будет. Вот только вальяжничать нам совершенно некогда. У нас тут, как вы, наверное, слышали, мятеж. Так что большая часть наших герцогов и графов сейчас примутся активно разорять земли герцогов Аржени. А заметную часть королевской армии отправят охранять границы. Я думаю выпросить у принцессы полка три-четыре и отправить их в Загулем. А уж там нагрузу вас переобучением и их. К исходу кампании по подавлению мятежа я хочу иметь под рукой тысяч десять — двенадцать хорошо обученных новой тактике мечей. Сдается мне, они не помешают, когда настанет время выяснить, кто есть кто в этом славном королевстве.

Грон задумался. Пока все развивалось так, как оно и должно было исходя из его прикидок. Нет, если бы у него была возможность вообще все устроить по собственному разумению, он бы многое делал не так. Например, вообще не отвлекался бы на небольшую гражданскую войну в королевстве, а, собрав мощный кулак, ударил бы по Насии, сосредоточив усилия на захвате столицы и пленении Черного барона. После чего мятеж рассосался бы сам собой либо был бы подавлен куда как более легко. Но... как говорится, дай нам, Господи, силы изменить то, что мы можем изменить, терпения перенести то, что мы изменить не в силах, и мудрости, дабы суметь отличить первое от второго. Пока Грон был неключевой фигурой на доске, и потому им приходилось считаться с желаниями, чаяниями, ожиданиями и запросами слишком большого количества фигур. Так что остава-

лось только придерживаться избранной тактики и ждать момента, когда можно будет сделать свой ход. Впрочем, был еще один фактор, который мог бы превратить любую деятельность в совершенно бессмысленную...

Грон повернулся к Пургу. Тот спокойно выдержал его взгляд, а затем молча качнул головой. Ничего. И это было самым плохим. Ибо основной задачей, стоящей перед Пургом, было попытаться хоть что-то выяснить по поводу того, почему местный Владетель демонстративно манкирует собственными обязанностями, вот уже который год не вмешиваясь в буквально тотальную войну, охватившую все местное Владение, именуемое Шесть королевств...

Две жизни назад Грон появился на свет под именем Казимира Яновича Пушкевича. В четырнадцать лет он потерял всю семью и оказался ввергнутым в горнило самой страшной из боен, когда-либо устроенных человечеством. Пройдя всю Вторую мировую войну и выжив на ней, он стал известен всем разведкам мира под агентурной кличкой Клык, которая наилучшим образом отражала его сущность. Европа, Азия, Африка и обе Америки хранили на себе следы его подошв. Он был бойцом, бойцом до мозга костей, бойцом, не знавшим, что значит не выполнить задачу либо потерпеть поражение. За это ему прощалось многое. Причем не только начальниками, но и самой судьбой. Так что когда он уже глубоким стариком вступил в свою последнюю схватку, в которой по любым логическим раскладам не был способен победить, судьба выбросила ему новый шанс. Шанс на вторую жизнь. Правда, уже не на Земле, а в другом мире, переместив его сознание в тело недоразвитого четырнадцатилетнего паренька, подвизавшегося на побегушках в припортовой гряде на острове Тамарис. Тот мир был чист и свеж, как Земля во времена Древних Греции и Рима. Но это не было predetermined обычной логикой развития. Просто некто, именуемый Творцом и входивший в пантеоны всех религий того мира, а на самом деле являющийся всего лишь чрезвычайно сложным искусственным устройством, регулярно, с периодичностью где-то раз в тысячу лет, устраивал глобальный катаклизм сродни Всемирному потопу, стиравший с лица того мира цивилизацию, которую люди успели создать за время, прошедшее с предыдущего катаклизма. А за тем, чтобы этот порядок оставался неизменным, наблюдала специальная организация, именуемая Орденом.

Орден обладал некоторыми технологическими возможностями, часть из которых была недоступна даже той цивилизации, стоявшей на лестнице технологического развития намного выше этой, из которой вышел Казимир Пушкевич, в новом мире принявший имя Грон (уж больно сильно привыкло к этому прозвищу его новое тело). Например, они обладали возможностью засекаать факт переноса разума. И, справедливо предполагая, что пришельцы из чужого мира никак

не будут способствовать сохранению стабильности, тут же открывали охоту на прибывших. Более пятидесяти тысяч лет, пятьдесят Эпох, эта охота неизменно оказывалась успешной. Но не в этот раз...

Грон не только выжил, расправившись со всеми охотниками, но и принял вызов, объявив войну Ордену. И затряслась земля от мерного шага огромных армий, и забурило море, взбаламученное тысячами весел, и закрошились камни, разбиваемые в песок тысячами кованых лошадиных копыт, и... исчез в пламени атомного взрыва Остров, местообиталище Творца, и рухнула Скала, хранившая в своих недрах могущественное Око. Так окончил свою жизнь Великий Грон, Командор легендарного Корпуса, тот, перед кем склонились люди и боги...

Чтобы очнуться в изуродованном теле юного пажы, в новом мире, внешне совершенно отличном от того, который он только что покинул, но, как Грон теперь понимал, скованном столь же кандалной неизменностью. Здесь никто не слышал о Творце, но мир был ничуть не менее неизменен. И виной этому были Владетели, могущественные то ли маги, то ли боги, поделившие этот мир на множество Владений, в границах которых они были почти всесильны. И тут выяснилось, что природа силы, с помощью которой Владетели правили этим миром, сродни природе Творца, которой Грон был щедро опален еще в прошлом мире. И это принесло некоторые неожиданности. Так, например, выяснилось, что Безымянные, личная гвардия Владетелей, состоявшая из людей, лишенных памяти и вообще осознания собственного «я», зато ставших нечеловечески сильными, ловкими и не знающими страха, а также беспредельно преданных создавшему их Владетелю, внезапно признали Грона своим Повелителем.

Грон был вынужден спешно покинуть пределы Владения, в котором очутился в момент своего переноса в этот мир, и отправиться исследовать его, по пути строя планы, как обустроиться в этом мире и разыскать артефакт под названием Белый Шлем, способный в момент смерти переносить сознание того, на чью голову он надет, в следующий мир. Он совершенно не собирался задерживаться в этом мире надолго. Но... действительность опять внесла свои коррективы. Грон встретил друзей, свою любовь, а затем и столкнулся еще с одним пришельцем из другого мира. Это был колонтель Исполнительной стражи Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства Мегхин Агхмигаг, в этом мире носивший имя Черного барона, ближайшего советника короля Насии. Судя по набору жизненных ценностей и приемов работы, эта Исполнительная стража Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства являлась чем-то вроде гитлеровского гестапо или НКВД времен Ежова, так что Грон и Черный барон мгновенно оказались по разные стороны баррикад. Барон сумел взять его в плен, попытался склонить к сотрудничеству, повязав кровью, причем кровью той женщины, ко-

торая была Грону дорога, хотя в тот момент Грон еще не знал об этом, а затем, когда им с Мельсиль удалось вырваться из его лап, нанес удар, убив отца принцессы, короля Агбера, и обвинив в преступлении самого Грона. И теперь в их противостоянии с Черным бароном наступал следующий этап...

— Добрый день, господа, ужасно рада вас видеть,— с искренней радостью в голосе произнесла Мельсиль, входя в сопровождении барона Экарта в гостиную.

Пург и Батилей, вскочив, тут же отвесили галантный поклон, приложившись к ручке принцессы, а Шуршан и Гаруз густо покраснели и согнулись в обычном крестьянском поклоне, даже не попытавшись хоть как-то повторить исполненное их товарищами па-де-де. Вот ведь интересно, видели же оба и принцессу, и барона, да что там видели, рядом скакали и разговоры вели. А с бароном так и дрались плечом к плечу, и никакого смущения при этом у них не наблюдалось. А вот ты поди ж, попали в незнакомую и роскошную обстановку королевских покоев, и все, стушевались. Не-эт, не зря все-таки короли и епископы тратили такие деньги на постройку величественных дворцов и соборов, очень точно рассчитано все... Весьма способствует устойчивости власти. Лишь бы сама власть не подводила... Да и потомкам прибиток славный. Сколько туристов готово тратить бешеные деньги, чтобы только попятиться на Версаль, галерею Уффици или собор Святого Петра.

— Что же вы так быстро ушли, граф? — укоризненно попенял Грону барон, когда с приветствиями было покончено.— Граф Эгерит собирался оставить пять-шесть наиболее разумных людей, дабы обсудить с ними предполагаемые планы подробнее. И вас он непременно хотел видеть в их числе.

Грон добродушно развел руками:

— Покорнейше прошу простить, просто в составе королевского совета есть один такой рослый дворянин... он еще предпочитает в одежде золото с голубым, так вот у меня сильное подозрение, что он настойчиво ищет повода вызвать меня на дуэль.

Барон удивленно вскинул брови:

— Если бы я знал вас чуть хуже, граф, я расценил бы ваши слова как... боязнь. Но я знаю вас очень хорошо, поэтому не поясните ли свою мысль? А то я что-то не улавливаю вашей логики...

Грон усмехнулся:

— Просто мне незачем его убивать. А я с некоторых пор пришел к выводу, что, хоть без смертей не обойтись, их число необходимо всемерно ограничивать. Даже если это смерти врагов, не говоря уже об обычных глупцах. И пока мне не понадобится наглядно преподать урок кому-нибудь еще, я постараюсь не позволить ему претворить в жизнь его столь глупое желание.

Присутствующие многозначительно переглянулись. С подобным подходом здесь никто еще не сталкивался. Но разве Грон в первый раз удивлял их тем, что открывал совершенно новый угол зрения на вполне, как до этого казалось, обыденные и привычные вещи? Так что все было обычно.

Барон многозначительно покивал, а затем окинул взглядом присутствующих и, усмехнувшись, спросил:

— Могу ли я понимать присутствие здесь этих господ как свидетельство того, что вы также, по примеру графа Эгерита, решили собрать некий свой ближний круг, дабы обсудить с ними свои планы?

— В общем, да,— отозвался Грон,— хотя их присутствие здесь в данный момент означает лишь то, что они только что приехали и пришли доложить мне о своем прибытии. Обсуждение мы планировали начать чуть позже. И непременно пригласить на него и вас, барон.

— А могу я просить вас расширить круг за счет самого графа и людей, которых он посчитал...

— Не думаю, что это хорошая мысль, барон,— мягко прервал его Грон.— Насколько я могу предположить, среди этих пяти-шести человек не все приглашены графом исходя из его собственной предрасположенности. Часть из них, вероятно, введены в этот круг потому, что гораздо безопаснее держать их поблизости от себя, чем позволить им бесконтрольно заниматься чем им только вздумается.

Барон усмехнулся:

— В очередной раз поражаюсь не столько вашей проницательности, этому я уже перестал удивляться, сколько умению точно сформулировать мысль.

— Ну и зачем они нам здесь? — пропустив комплимент мимо ушей, напрямую спросил Грон.— Если граф считает необходимым свое личное присутствие — милости просим. С остальными пока погодим. К тому же не знаю, насколько даже его личное присутствие будет разумно. Этак получается как бы два отдельных ближних круга. Пусть лучше будет один, при графе, а мы тут просто будем собираться компанией старых соратников по битвам. А все, что нужно, вы сообщите графу сами.

Барон задумался.

— Хм,— произнес он спустя некоторое время.— Вы правы, возможно, это будет наиболее разумным.

На том и порешили.

Ночью, когда они уже успели не только устать, но и немного отойти от бурных ласк, Мельсиль повернулась на бок и, ухватив его руку, прижалась к ней грудью и животом, а потом прошептала:

— Если бы ты знал, Грон, как ты мне нужен...

— Я знаю,— тихонько ответил он.

— Нет! — громко прошептала она. — Нет! Потому что я и сама этого не знала. Не знала до того момента, как тебя отняли у меня и спрятали за железной дверью в той башне. Я... мне быть хотелось от тоски... я на все была готова, чтобы только вытащить тебя оттуда. Каждый день без тебя отнимал у меня силы и желание жить. Герцог Аржени, похоже, понял это, потому что он яростно отстаивал запрет на нашу встречу. А Эжен в ту ночь, когда он попытался напасть на мои покои, был словно обезумевшим. Он рвался ко мне, даже когда уже получил удар в печень. Все пытался дотянуться ангилотом и ревел: «Шлюха, подлая шлюха!..»

Грон замер. НИКТО! НИКОГДА! Не смеет оскорблять его женщину! Это непреложный закон природы! А Мельсиль почувствовала, как напряглось его тело, и, тихонько рассмеявшись, шаловливо куснула его за плечо.

— Глупый... Я в тот момент, наоборот, просто смеялась от счастья. Потому что это нападение означало, что они проиграли. И что ты скоро будешь со мной. — Она внезапно отпустила одну руку и, сжав ее в кулачок, довольно чувствительно ударила его в грудь. — Почему ты так долго шел до моих покоев, несносный? Я уже на стенку лезла!

Грон улыбнулся:

— Я был немного занят, любимая. Надо было окончательно разъяснить все недоразумения с графом Сакриензенем.

Мельсиль вздохнула:

— Он, конечно, зануда, но, по крайней мере, он честен. Если бы ты знал, чего мне стоило протолкнуть на пост председателя суда именно его. Если бы не это, с тобой могли бы расправиться уже через пару дней. И мы просто не успели бы что-либо предпринять.

Грон осторожно высвободил руку из объятий Мельсиль и, обняв принцессу, прижал ее к себе.

— Не волнуйся, любимая. Со мной не так-то легко расправиться. И вот что я хочу попросить тебя запомнить. Навсегда. Даже если кто-то скажет тебе, что я мертв, все кончено и никакой надежды больше нет, — не верь. Потому что это неправда. — Он на мгновение замолчал, потому что его сердце пронзила игла воспоминания. Ибо нечто подобное он уже говорил как-то одной женщине в другом, оставшемся позади мире. Но и в этом мире, здесь и сейчас, это также должно было быть сказано. Поэтому он закончил: — Что бы ни случилось, я обязательно вывернусь и приду за тобой. Каким бы все это ни казалось безнадежным даже тебе самой. Ты поняла?

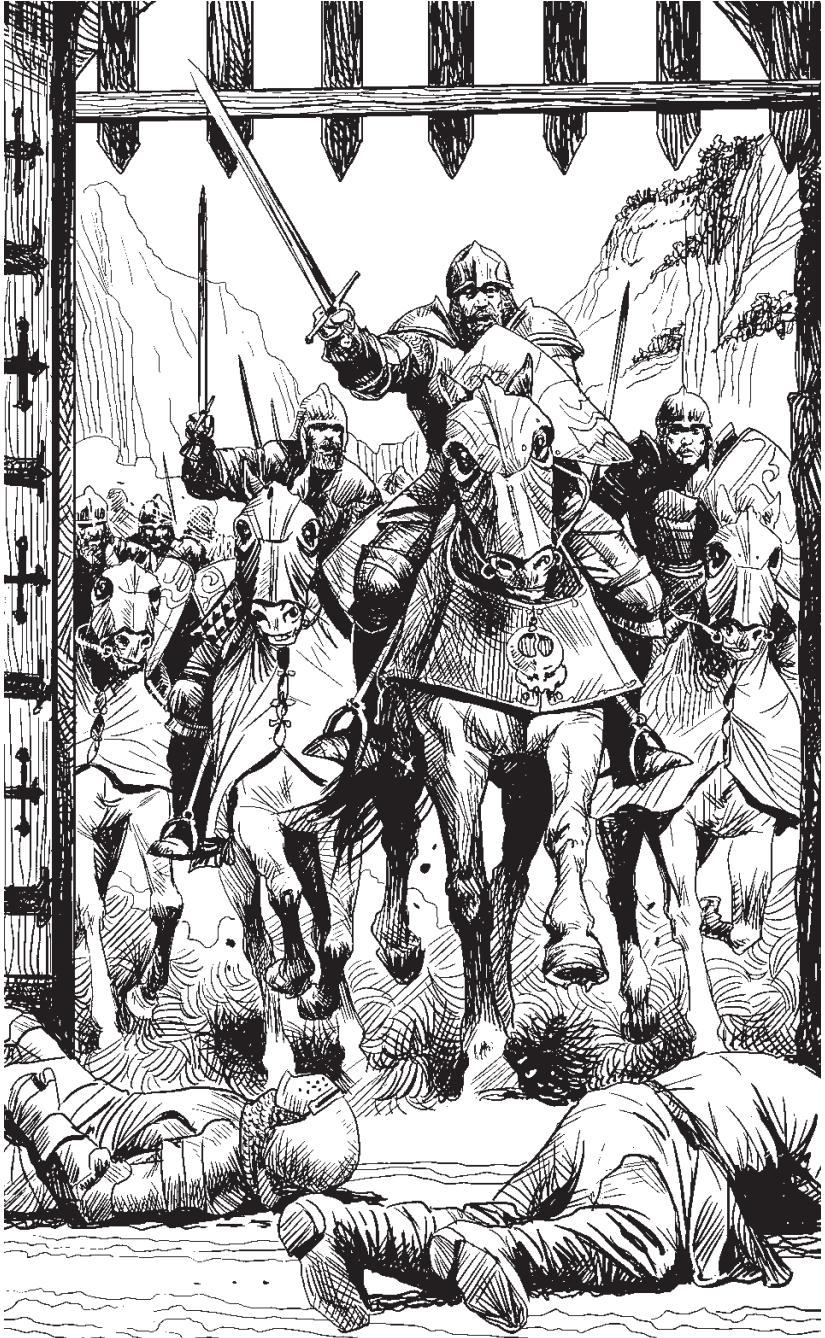
Мельсиль извернулась, подняла голову и заглянула ему в глаза. Ее глаза в зыбком свете луны блеснули в темноте как два загадочных изумруда. Несколько мгновений она не отрываясь смотрела на него, а затем счастливо вздохнула и прижалась щекой к его груди.

— Я поняла, милый. Не беспокойся. Так и будет.

И с этими словами она заснула.

• Сердце Башни •

ПРОЛОГ

Рыжий мужик, заросший косматой рыжеватой бородой, зато с абсолютно лысой башкой, продрался сквозь заросли гигантского бурого дрока и окинул хмурым взглядом мокрое осеннее поле, даже не заставленное, а, скорее, засиженное унылыми копенками, после чего задрал голову к небу и сердито спросил:

— Ну, чо?

Небо некоторое время оставалось абсолютно индифферентным к столь наглому вопросу, но потом, похоже, смилостивилось и сипло ответило:

— А пусто все, дядько Илим.

Мужик хмыкнул, почесал бороду, потом проделал такую же операцию с пахом, затем с задницей, после чего вздохнул и махнул рукой.

— Ладноть, Аксил, слезай, чяго уж там. По такой погоде хрен кто из Змиевки тронется. Любой воз завязнет. Даже ежели в яго пруденских тяжеловозов запрячь, — после чего поправил нагольный полусубок, натянутый, как и полагалось исходя из названия, прямо на голое тело, и, сокрушенно покачивая головой, нырнул обратно в заросли. Но не успели заросли дрока шумно сомкнуться за его спиной, как по стволу возвышающегося на самой опушке леса светлоствольного вяза шумно соскользнуло еще не особенно грузное, но и явно уже не совсем гибкое тело. Хлопнувшись о землю толстыми подошвами уже изрядно поношенных, но все еще крепких сапог, верхолаз окинул хмурым взглядом открывающуюся взору унылую картину, смачно сплюнул, и, зябко вздрогнув, нырнул в заросли.

Аксил разбойничал уже четвертый год. Все началось еще во время той войны. Ну... той, вы поняли? Ну, когда его милость принц-консорт Агбера прижал к ногтю покойного ныне короля Насии Иркая II, да хранят боги его душу в своем пресветлом чертоге... И не сказать, чтобы подобная жизнь ему не нравилась. Нет, поначалу-то у него не было никакого желания подаваться в разбойники. Отец Аксила был обычным крестьянином, причем из зажиточных, потому что имел в хозяйстве ажно семь покупных вещей из металла — топор, серп, наконечник сохи, нож, шило, сковороду и чугунок. Такое богатство позволяло ему свысока посматривать на соседей и,

время от времени, иметь от сдачи «в пользование» некоторых из этих дорогих вещей кое-какой прибиток.

Так, по осени, он сдавал в пользование шило за большой хлебный каравай в день, а по весне и того дороже — за малую меру зерна. Ну, то есть такую, из которой получалось муки аккурат для выпечки пары караваев (что составляло как раз одну загрузку обычной местной крестьянской печи). И брали. А куды деваться-то? Без шила ни упряжь толком не починешь, ни обувку. А без того и другого как по весне работать-то? Это летом все в поле босыми ходят, а весной, по слякоти и холодной земле — мигом лихоманку подхватишь. А костяным шилом это делать — столько мороки... Да и не всякую кожу оно возьмет. Вот и сговаривались с отцом Аксила даже на такую немалую цену. Так что затраты на покупку железного шила, по поводу которого у отца Аксила поначалу были бо-ольшие сомнения, удалось отбить быстро. Тем более что по весне зерно мало у кого было в наличии, поэтому с оплатой частенько сговаривались на осень. Но, естественно, с прибитком — то есть уже не за меру зерна, а за полторы...

Сковорода же с чугуном служили главной причиной того, что когда до их деревни добирался торговый караван, в полуземлянке семьи Аксила непременно останавливались на постой возницы или охранники. Купец-то завсегда ночевал в доме у старосты, а вот возницы и охранники расселялись по всей деревеньке, но при этом кто-то непременно выбирал обиталище их семьи — все караванщики привыкли к «господской» еде, для которой непременно нужна была такая посуда для готовки, как сковорода и чугунок... Впрочем, злые языки говорили, что дело не столько в господской еде, сколько в том, что хозяйка дома оказывала постояльцам и кое-какие услуги окромя стирки и готовки.

Правда, Аксил в это не верил. Ну, то есть не то чтобы этого вовсе не было — в одном же помещении ночевали, что там творилось за занавеской, Аксил если и не видел, то уж слышал вполне хорошо, но дело совершенно точно было не в этом. К жене Хромого Трыгна те же возницы и наемники также частенько захаживали. И к вдовице Пульне. И... да к половине деревни, если так посчитать. А кому в деревне денга лишняя? Караванные же платили именно деньгами, а не меной, как это было в обычае между крестьянами. Так что некоторые пылкие селянки успевали за время пребывания в деревне каравана себе на платок городской заработать и тут же его купить... Ну, те, у кого мужья рохлями были и вовремя медь из бестолковых железных ручек не изымали.

Однако никто из возниц или наемников ни у Хромого, ни у Пульны, ни у большинства других на постой не становился. А у них — завсегда. И за постой они платили куда как щедро — по медяку за ночь. А ведь у Слима и Попереда-бобыля те же караванщики квартирова-

ли из расчета медяк за две ночи! Хотя, скажем, у Попереда-бобыля жилище было попросторнее... Ну и за утехи мать Аксила также слупливалась с караванщиков по медяку зараз. А поскольку была она, несмотря на рождение нескольких детей, бабенкой еще вполне ядреной, так сказать, в теле, одним разом дело, как правило, не ограничивалось. К полному удовольствию отца Аксила, потому что за время стоянки каравана жена приносила отцу Аксила доход едва ли не вчетверо больший, чем предоставление караванщикам ночлега и пропитания. Причем, почитай, безо всякого убытку: от бабы-то не убудет, ежели ей кто воспользуется. Ей-то всего и делов — лежи себе на спине, ноги раскинув, да побряхтывай. А денежка — в семью... Впрочем, совсем-то уж сраму отец Аксила не допускал: следил, чтобы баба непотребным делом только в рубахе занималась и, после ухода каравана, как и остальные мужики, старательно отхаживал накувыркавшуюся власть с караванщиками супругу поленом. Ну, чтобы знала свое место, и мысли о каком блуде из головы вышибить. С караванщиками-то не блуд, а заработок, это ж всем понятно, а вот ежели у кого супруга забесплатно начнет по деревне мужикам под бок лезть — позору не оберешься.

Так что благосостояние семьи Аксила росло как на дрожжах, благодаря чему он слыл в деревне весьма завидным женихом. И будущее его, как ему тогда казалось, было ясным и безоблачным. А чего тут думать-то? Аксил был старшим, так что все отцово хозяйство переходило по наследству именно ему. Ну, вроде как.

Двое средних детей были девочками, так что никаких проблем с их стороны Аксилу опасаться не стоило — землю-то за бабами никто в здравом уме ни давать, ни требовать не будет. Их приданое, по обычаю, составляли рухлядь и мануфактура — ну там всякие рушники, простыни, отрезы самотканого полотна, наволочки, матрасы и наматрасники и все такое прочее. Конкретику мало кто из мужиков знал, потому что это было чисто бабской сферой. Вот они-то как раз все это отслеживали очень четко: у кого, сколько и какой тонкости работа, после чего выносили безапелляционное решение — добрая жена будет или неумеха. Причем разница между «доброй» и «неумехой» зачастую составляла всего-то локоть-другой самотканого полотна или пару рушников... Ну а ежели кто хотел сильно шикнуть, то либо добавлял поверх традиционного объема приданого чего-нибудь навроде овечьего тулупа или заказывал столяру из Транкерта, соседнего то ли большого села, то ли уже маленького городка широкую деревянную кровать. И такие невесты уже считались с о-о-очень богатым приданым...

А четвертый из детей, последыш, хоть и был мальчуганом, так что имел право претендовать на какую-никакую справу, но пока, по малолетству, также был неопасен — между Аксилем и его младшим братом было почти одиннадцать лет разницы. Да Аксил жениться

успеет, прежде чем младшенький в разум войдет. Да и войдет ли — тоже бабушка надвое сказала.

Мать-то, эвон, девять раз от бремени разрешалась, а выжили покамест всего четверо. То есть на самом деле пятеро: вторую-то дочку батя купцам продал, едва только ей семь лет исполнилось. За соль. В конце лета. И ей-ей не прогадал. В тот год зима очень суровая была, и по весне у них хлеба совсем уже не осталось. Молодые сосновые ветки ели. А ежели б еще один рот в зиму был, так и кто знает — выжили бы или нет.

А если еще вспомнить, что та соль, которую ушлый глава семейства тогда взял с торговца за дочь, как раз и позволила отцу Аксила, которому свезло по осени наткнуться на пропоровшего себе брюхо в буреломе и издыхающего медведя, хорошо «по-барски» засолить и закоптить медвежьи окорока, на выручку от которых и было куплено в последнем осеннем торговом караване все то «железное» богатство, которое и обеспечивало ноне непрерывный рост семейного благосостояния, то эту «инвестицию» следовало признать очень и очень выгодной...

Но речь не об этом, а о том, что никто в здравом уме и твердой памяти не мог поставить даже медяка за то, что младшенький сумеет дожить до того возраста, когда будет иметь шанс выкнуть что-то на счет его доли наследства. Поэтому Аксил и не волновался. Владелец не попустит... ну а ежели все же и проглядит, так что мешает ему немного помочь и исправить невольную несправедливость. Ну, там, неловко двинуть бедром, когда младший братишка идет краем косогора, или слегка попридержать его голову под водой во время купания. Да мало ли какие неприятности с этим мелким могут в жизни случиться...

До временного лагеря ватаги Аксил добрался быстро. Тот располагался всего в трех сотнях шагов от дороги в небольшом овражке, поросшем орешником и бузиной. Ничего особенного он собой не представлял — несколько нор, выкопанных в глинистом склоне овражка, навесы над входами, служащие не столько даже защитой от дождя, сколько фильтрами дыма небольших костерков, разложенных прямо перед норами, да подкопанные ступени на крутом склоне. Последние были необходимы, поскольку, если спуститься по склону на дно овражка еще было как-то возможно (кубарем, например), то подняться из него наверх без помощи посторонних или без подобных ступенек никак не получалось — уж больно крутые склоны были у этого овражка.

Дозорного встретили хмуро.

— Ну чьяго, никак не видзел? — визгливо поинтересовался Пупень, выходяец из Кагдерии, прибившийся к ватаге полгода назад, во время налета на нищий переселенческий обоз. Их ватага тогда толь-

ко неделю как вырвалась из клещей, устроенных ей егерями, которые «унасекомили» ее более чем на три четверти. Так что силенок на то, чтобы потягаться с охраной купеческих караванов, у них тогда не было, а жрать хотелось. Уходить-то пришлось налегке, оставив в лагере не только всю жратву, но еще и все захоронки. Почитай, в чем были ушли... Да еще потом аж пятеро суток петляли по лесу, пытаюсь оторваться. Слава Владетелю, большая часть ватаги в момент атаки на лагерь рванула в разные стороны, так что у егерей просто не хватило сил на то, чтобы организовать преследование по всем направлениям. Только потому и ушли...

Как бы там ни было, ни на что более, чем переселенческий обоз, у них в тот момент сил не было. Да и на тот могло бы не хватить, окажись в нем побольше мужиков... ну или если бы те мужики, которые случились в его составе, оказались бы более смелыми. Хотя откуда? Кто ж нормальный со своей земли вот так просто снимется и отправится туда, где ни разу не был? Только ежели с перепугу, да еще если неумехи какие, дома нормально не устроившиеся... Так что три десятка мужиков дюжине почти поголовно раненых разбойников никакого сопротивления не оказали. Поэтому с переселенческим обозом поступили непривычно гуманно.

Нет, ограбили, конечно. И бабам всем юбки позадирали — ну, которые на рожу не совсем страшные были... Хотя кто их тогда особенно разбирал-то: не старуха, есть за что подержаться — на тебе в ухо, чтоб шмякнулась поскорее, а потом подол на голову и поехали! Но убили всего троих. И не потому что эти трое какое-то сопротивление оказали, а потому что так положено. Налет же — как тут без смертоубийства? Ну и припугнуть, чтоб когда баб пользоваться будут — ни у кого из мужиков никакой глупой мысли в голове не возникло. А то ну как кому моча в голову ударит...

Вот аккурат после того, как изрядно поредевшая ватага, собрав все нашедшиеся продукты и увязав в узлы ту часть скудной рухляди, которую они решили все-таки посчитать достойной назваться добычей, Пупень и подал голос. Попросился с ними. А его взяли, потому что узлов с добычей оказалось несколько больше, чем они смогли бы унести. Им-то после егерей любая тряпка в доход была... Вот лишние узлы на Пупня и нагрузили. А чего: сдохнет — так не свой, а не сдохнет — так на что-нибудь пригодится. Хотя бы на то, чтобы когда их очередной раз егеря прижучат, какого-никакого егеря на себя отвлечь...

— Не видел, — зло бросил Аксил. Вот ведь тупой! Ну, ясно же, если вместо сигнала на выдвижение к дороге, он сам с дозора вернулся — значит никакой добычи не появилось.

— Ох-хо-хонюшки, — вздохнул Пупень, — сядзмицу уже някаго не имае. Совсем стылко...

На это ответа не требовалось. Поэтому Аксил молча добрался до норы, в которой он обычно проводил ночь, и улегся на травяную подстилку. Да уж, совсем плохо с добычей последнее время стало. То ли дело раньше...

В ватагу он попал случайно. И, почитай, так же как Пупень.

Сейчас уже никто не сможет установить, были ли остатки той оныты, что налетела на их деревню, одной из тех, которые привел со своим войском на землю Насии принц-регент Агбера, либо наемники сражались в той войне за короля Иркая. Да и не важно это было по большому счету. А важным было то, что, к тому моменту, когда солдаты этой оныты добрались до деревеньки Аксила, они уже дошли до крайней степени истощения и, чего уж там, ожесточения, а судя по их виду, бежать им пришлось прямо с поля боя. Никаких припасов у них с собой не было, зато раны, кое-как перехваченные грязными тряпками, как раз наоборот, имелись в полном ассортименте. Так что грабить и убивать они начали сразу же, с окраины.

Аксил с отцом в тот день поехали за дровами, так что к тому моменту, когда они вернулись, все уже было закончено... Ну как закончено — младшенький валялся на пороге дома с окровавленной башкой, а из сенника и овина неслись взвизгивающие всхлипы сестер и постанывания матери. Причем, как Аксил сейчас уже, набравшись опыта во взаимоотношениях с женским полом, понимал, постанывания были не те чтобы очень-то и расстроенные. Ну да когда у них квартировали караванные, мать, бывалоча, и восьмерых за вечер обихаживала. Кто ж в здравом уме от лишней денежки в семью откажется? А вот сестрам явно приходилось тяжело — мелкие они еще были... Отца тут же, у ворот, сразу же «обрадовали» по башке, и он растянулся у забора. Впрочем, как Аксил нонеча думал — не столько даже от того, что так уж сильно прилетело, сколько чтобы укрыть своим телом дорогой железный топор. С остальным-то нажитым непосильным трудом (и удачными спекуляциями) добром точно можно было попрощаться, а вот сохранить топор шанс еще был, поскольку большинство наемников было либо занято с женской половиной семьи, либо таскало приглянувшееся добро на стоявшую прямо посреди двора отцову телегу, в которую была запряжена отцова же лошадь... Аксил же удостоился пары оплеух, которые почти вышибли из него дух, после чего кто-то из налетчиков рывкнул:

— Ты, Гриб, лучше бы ребятам узлы таскать помог, чем ету соплю охаживать.

— Я ж с лошадьми! — отозвался пузатый наемник, засветивший Аксилу по роже.

— Ни с лошадьми, а с лошадей, — поправил его все тот же голос, — с ней-то как раз соплю и оставь. Лошадь-то аккурат с евой-

ного двора. Так что он получше тебя с ней справится. А сам — марш в левый двор. Не дай Владетель, агберские драгуны объявятся...

Наемник, которого обозвали Грибом, услышав такое предположение, охнул и осенил себя обережным знамением, после чего недоверчиво покосился на Аксила.

— А не сбежит?

— Я кому сказал — марш! — взревел его собеседник. Похоже, он имел право отдавать команды, потому как пузатый Гриб сунул в нос (да-да, не под нос, а прямо в нос) Аксилу свой волосатый кулак и грозно пророкотал:

— Смотри у меня! — рысцой потрусил в соседний двор. Аксил же поежился, утер кровавую дорожку, образовавшуюся под носом, и, вжав голову в плечи, полез на деревянный дрын, положенный на борта в передней части телеги и заменяющий облучок...

И — да, у отца с топором все получилось: когда Аксил через полчаса покидал родимый двор, отец все так же валялся у ворот, изо всех сил изображая, что сознание к нему еще не вернулось, так что до топора никто из налетчиков так и не добрался... Но самым неприятным воспоминанием того дня, до сих пор вызывающим у молодого разбойника приступы дикой злости, было то, что когда они уже выехали за ворота, младшенький, все это время провалявшийся на пороге их полуземлянки, внезапно тоненько застонал и сел, обеими руками держась за покрытую запекшейся кровью голову. И Аксил понял, что все хозяйство, да, пусть ныне разоренное, лишившееся дорогих железных вещей (ну, кроме топора), лошаденки, телеги, скарба и рухляди, но все равно, все хозяйство, которое ранее он уже считал своим, достанется вот этому сопливному недоумку — его братцу. И вот эта страшная жизненная несправедливость так сильно его огорчила, что он не выдержал и, прикусив губу, тихонько завыл от обиды. Ехавший рядом Гриб покосился на него и отвел руку, чтобы отвесить ему очередную оплеуху, но... затем отчего-то передумал и просто шмякнул его по спине.

— Не вой, сопля, ты еще даже не представляешь, как тебе повезло...

И сегодня Аксил был с ним вполне согласен. Ему действительно повезло. Ну что его ждало, останься он в своей деревеньке? Через год-два он женился бы на Кусяньке, своей погодке, дочке такого же, как отец, «зажиточного хозяина» Бумира, получив за ней в приданое кроме рухляди огромную кровать, каковую Бумир уже заказал столяру. После чего, как и отец, как и дядька Бумир, как и вообще все остальные соседи, начал бы регулярно подкладывать ее приезжим возчикам с каравана, заботливо укладывая в ухоронку заработанные жениным «передком» медяки и мечтая накопить их столько, чтобы купить себе какое-нибудь немислимое богатство, типа цельнокованой лопаты или железной мотыги. При этом своего хозяйства

до смерти отца ему все одно было бы не видать — так и продолжал бы горбатиться на батяню и получать от него пинки и оплеухи, пока тот не помер бы. Ну, или, не ослаб настолько, чтобы более не выходить в поле.

Крестьянская жизнь — она такая. Пока сам в поле выходишь — глава семьи и хозяин, а как сил за сохой идти не станет — так марш на полати, и не мешаться тут под ногами у нового хозяина... Но батя покамес, еще вполне в силе, так что ждать сего момента можно до морковкина заговения. Ну, ежели оный момент как-то не поторопить...

Но после того, что Аксил повидал в ватаге, его такая жизнь теперь уже никак не прельщала. Одно то, что он держал в руках не медь, а серебро, уже делало его по меркам деревни настоящим богачом. Ну не видит крестьянин серебра в руках, особенно в таких далеких, глухих деревеньках, как та, в которой вырос Аксил. Не бывает его в тех местах. Даже ежели крестьянин и покупает какой товар, за который имеет смысл платить серебром, все одно он либо медью расплачивается, либо, да и даже чаще всего, берет его на обмен: за зерно, шкуры, копчения, сушеную ягоду аль грибы. Дашь на дашь. Как отец железные товары брал — за медь и копченые медвежьи окорока, да еще и орехами с сушеной ягодой доложил. В тот год они с сестрами много насобирали...

А каких баб ему удалось за это время попробовать! Он таких в деревне и не видел никогда. Особливо ему нравились купеческие дочки. Сладкие, мягкие, пышные... И не особо буйные. Нет, попервоначалу, когда только за подол ухватишь — орут так же, как все остальные, зато когда уж... это... ну-у... того — так только повизгивают и стонут. Ну, или дышат. Шумно и жарко. И руки у них куда мягче, чем у крестьянок. И пятки тоже... А вот дворянки не понравились. Во-первых — худые. Во-вторых — злющие. И дерутся. Даже когда уже того... Одна его как-то даже за сосок укусила. Бо-ольно. Рубаху на груди порвала и как зубами — хватать! Ох, он и взвыл тогда... и кинжалом ее ткнул. А после получил по ушам от атамана. Тому как раз такие буйные больше всего по душе были. Ну любил он, когда бабы под ним орали и дергались...

Так что с тех пор Аксил старался дворянок обходить. Уж лучше какую крестьянку завалить, нежели этих бешеных. Пусть с ними лучше вон дядька Илим развлекается, даром что сам едва благородным не стал. Ну, как говорит. Мол, ему, в случае победы, дворянскую грамоту обещали. Как и всем остальным онотьерам. Но не свезло... А нам и купеческих хватит.

В этот момент кашевар заколотил ложкой по краю большого казана, в котором варилась похлебка, и ватажники, до сего момента в основном валявшиеся по норам, полезли наружу.

— Савсэм никаго нэ видель? — поинтересовался у Аксила, когда тот, набрав в миску похлебку, уселся обедать, бородатый южанин по имени Углуз, появившийся в банде после налета на караван каторжников около года назад... Тогда они налетели на этот караван для того, чтобы отбить несколько своих ватажников, попавших в руки судейских, когда они повезли рухлядь в город скупщикам краденого. По слухам, кто-то из кушцов углядел на их телеге свой товар, который пропал из разграбленного ватагой купеческого каравана, и вызвал стражу... Ватажников тогда удалось отбить. Но как раз после этого им на хвост сели егеря — вследствие чего довольно скоро от ватаги остались рожки да ножки. Потому-то атаман Илим и принял решение уходить на новые места. Да куда подальше — в глушь, рассчитывая, что уж здесь-то их егеря искать не будут, и им удастся отсидеться. И оказался прав. Егеря-то не искали, но и добычи здесь тоже почти не было. За два последних месяца взяли всего дюжину одиночных телег и один скудный торговый караван, типа тех, которые когда-то ходили в родную деревню Аксила. А нынче, судя по не слишком-то густому навару сегодняшней похлебки, и с дичью в окрестном лесу так же начались большие проблемы. Повыбила ватага дичь.

— Нет, — коротко отозвался Аксил и зачерпнул ложкой похлебку. Углуз тяжело вздохнул и помотал головой. Аксил едва заметно, насмешливо скривился. Южанин был одет в крестьянские обноски и последние пару недель отчаянно мерз. И это сейчас! А что будет, когда погода окончательно испортится?

— Ну что ж, братья, — солидно начал атаман Илим, когда большая часть ватаги наелась. — Думать надо, что нам теперь дальше делать.

— Уходить надо... — тут же закричал кто-то, и тут же все остальные загомонили: — Нечего здесь сидеть... Точно... Ни серебра, ни хабара, ни рухляди... А ведзь зяма скоро... Голы-босы ходим...

Атаман некоторое время молча слушал эти многочисленные выкрики, а затем эдак солидно, на весь овражек вздохнул и почесал башку.

— Ну, эт-то ясно, — тут атаман снова вздохнул. — Уходить-то нам по-всякому надоть. Но вот куда? Тут Пупень правильно сказал — зяма скоро. А мы свое серебро уже прожили. Да и с рухлядью тоже не все ладно. Ни у кого, почитай, зимнего нету...

Это было правдой. По ватажым традициям зимнюю рухлядь по весне следовало скинуть скупщикам, а полученные деньги — пропить. Потому как ватажная доля такая: никто не знает — доживет ли он до будущей осени, либо сложит буйну голову еще летом. Да и вообще, кто его знает, что с зимней рухлядью летом случится. Мож спорится — в лесу же сундуков для одежды нет, а мож бросить придется, если стража или егеря прижмут. Да и даже если и ничего с ней не случится, ее что, все лето за собой из лагеря в лагерь на своем гор-

бу таскать? Глупость какая! Так что как только нужда в зимней одежде пропадала — пропадала и она сама. Ну а как в ней снова нужда появлялась — она и появлялась. По-разному: кто покупал на снятое с жертв серебро, а кто и этим не заморачивался, предпочитая снять необходимое с трупов караванщиков очередного купчика. Ну, или с самого купчика.

— ...так что прежде чем нам на зимнюю лежку уходить — все одно надобно караван-другой брать. Вот я и спрашиваю — куда пойдём? — подытожил атаман.

И ватага призадумалась. В принципе, идти было куда. В двух дневных переходах на восток по той дороге, у которой они ныне обретались, располагался не то чтобы очень большой, но и не совсем маленький городок Батрум. Туда идти было, в общем, безопасно. Городок, как уже упоминалось, был не очень большим, и потому ни постоянного гарнизона, ни, уж тем более, команды егерей не имел, так — местное ополчение. Ватаге в его окрестностях ничего особенно не угрожало, но и добычи там тоже особенно богатой быть не могло... Нет, зимнюю рухлядь там раздобыть было можно. Да и даже очень просто. В ватаге ныне насчитывалось уже почти четыре десятка разбойников, так что им достаточно было просто подойти к воротам и требовать с городка все необходимое в виде откупа.

Нет, полной уверенности в том, что непременно дадут, конечно, не было, но, как правило, такие городки старались со столь крупными ватагами отношений не обострять, а откупаться. Ну, а если заупрямятся... что ж, ватаге достаточно было засесть в близлежащем лесу и пощипать дюжину-другую везущих в городок свои товары окрестных крестьян, и все упрямство у городского совета, как правило, мгновенно проходило. Ну не может город существовать без торговли с окрестным населением! А какая может быть торговля, ежели что пешие путники, что крестьянские телеги до городка добраться не могут. И конвой ополчения из городка не отправишь. Во-первых, непонятно куда — кто его знает, в какой из местных деревенок народ нынче в город собирается. Здесь же не Агбер, где, как говорят, голубиной почтой все, кто ни попадя, от аристократа до крестьянина, могут воспользоваться. Да и там, скорее всего, до деревень эта почта еще не дошла, хорошо, если все города охватила... Во-вторых — это ж ополчение. Они ж все там отнюдь не воинским ремеслом на жизнь зарабатывают. Им даже на пару дней от своих лавок и мастерских оторваться — значит деньгу потерять! Нет, ежели ватага, либо еще какой супостат, под стены городка подойдет, так ополчение обязательно на стены ползет. А вот идти куда-то, да защищать кого-то, кто еще и не из их городка... очень сомнительно. Не для того городское ополчение предназначено.

Так что, если прикинуть одно к другому и разделить на треть... скорее всего, городской совет откупится. Все одно меньше потеряет,

чем если ватага на пару седмиц около Батрума задержится и на все это время торговлю городу порушит. Дешевле выйдет...

Но этот вариант ватажникам не шибко нравился. Да, простой. Да, безопасный. Но и полуничий какой-то. А на что осенний загул устраивать? Это ж свляное дело — перед тем как заехать на какой-нибудь мызе или на дальнем хуторе, заявиться в какой-нибудь город и устроить буйный загул. И обязательно за деньги! То есть полностью оплачивая все съеденное, выпитое, шлюх, сломанную мебель, разбитые морды и так далее... Впрочем, у Аксила было предположение, что дело не столько в том, что непременно оплата была такой уж фишкой. Просто ежели в городе не платить, тебя быстро выкинут. И это в лучшем случае. А то можно еще и очень просто угодить в какую-нибудь городскую каменоломню — долг отрабатывать. Это тебе не в придорожном трактире бражничать, городская стража вмиг вразумит... Но все равно, сам факт того, что ты, все лето ныкавшийся по лесам и увалам, грабивший людишек и бегавший от стражи и егерей, вот так гордо сидишь за столом и швыряешься серебром, сильно грел разбойничьи души. Поэтому осеннего загула хотелось всем.

— Атаман, можа того, к Зублусу двинем, на тракт? — робко предложил кто-то.

— Ты чего, совсем опупел?! — заорали на него. — Ты еще в Загулем предложи сунуться!

— А я чего, я ничего, я так, предложил просто...

— Хм... — задумчиво протянул атаман. И все тут же замолчали. Илим некоторое время сидел, молча морща гладко выбритый череп, а затем снова произнес:

— Хмм... к Зублусу, говоришь? А что, можно попробовать.

— Так это, атаман, там же это... Зублус же под онотой... ну-у... регента Агберского... — робко протянул кто-то.

— И что? — усмехнулся атаман. — Сколько там от той оноты-то? Сотня? Ну, две? Оноты-то той уже даже в Загулеме хрен да ни хрена. Регент свою оноту уже давно по всяким делам раздергал. Так что все в тех краях на их старой славе держится.

— Дык не на пустом месце слава-то образовалася, — опасно произнес Пупень. — Да и нам ня то, что сотни, нам и полусотни на всех хващиц. С галавой.

— Эт точно, — согласно кивнул головой атаман. — Да только у них там уже который год тишь да благодать. Никто не шалит. Так что навряд ли, я думаю, онота шибко патрули рассылает. Незачем... А вот караваны там жи-ирные ходят. Ой, жирные. Там, коль повезет, и без хабара обойтись можно. Одной караванной казны на осенний загул хватит. Так что поднимем столько, что осенний загул хоть в Агбер-порте отгулять сможем.

Ватажные возбужденно загомонили. Нет, к последним словам атамана все отнеслись как к хвостовству. Лезть в пасть даже не к вол-

ку, а к самому, считай, костяному псу, за какового в среде разбойников почитали регента Агбера... нет, такого приключения нам не нать. А вот за один налет поднять столько, чтобы это стало возможным хотя бы теоретически... это да. Это славно.

— Так что, братья, любо вам мое решение? — чуть возвысив голос, чтобы перекрыть начавшийся гомон, спросил атаман.

— Любо!.. Так ест!.. Задесц!.. — послышалось вокруг.

— Ну а раз так... — тут атаман сделал паузу, огладил бороду, нарочито передернул плечами, как бы показывая, что ему зябко, и задумчиво произнес: — Значит, седни можна и чуток согреться. Ну, коль мы все...

Закончить ему не дал восторженный рев, после которого сразу несколько ватажников вскочили на ноги и бросились к дальнему отнорку, расположенному рядом с той, даже не норой, а уже вполне себе небольшой пещеркой, в которой квартировал атаман. Потому что именно там был сложен «общий хабар», доли от которого должны были распределяться после его продажи, в состав которого входили и запасы спиртного... Илим был опытным атаманом и потому держал спиртное под жестким контролем. В ватаге было установлено жесткое правило, согласно которому пока ватага находилась во временном лагере неподалеку от дороги, пить было категорически запрещено. Впрочем, ватажники относились к этому с пониманием — не хватало раскрыть засаду на жирный караван вследствие того, что кто-то из ватажников не вовремя заорет по пьяни...

Пьянка началась сразу же и с энтузиазмом. По рукам пошли бурдюки и глиняные бутылки с вином и настойками, а сам атаман откупорил себе стеклянную емкость с агберским «коньяком». Из чего делался этот напиток, руку к созданию которого, по слухам, приложил сам регент, никто точно не знал, но этот самый «коньяк» уже давно считался напитком аристократии. Уж больно был духовит и заборист.

Аксилу досталось не много — где-то с полбутыли кагдерского. Остальное высосали старшие, так сказать, товарищи. Впрочем, Аксил не был этим особенно расстроен, поскольку вино не сильно жаловало. Его с него жутко пучило — чаще если пил на пустой желудок. На полный он мог себе позволить выпить немного. А вот Пупень наклюкался в сисю. Впрочем, он на это дело был слаб, и чтобы ужрать-ся вусмерть ему было достаточно одной бутылки.

— Ты-ы-ы... маа-адой, — едва шевеля языком, поучал он парня, — стааших суушать доожон... а ты... ето... нетути... неетути в тебе ето... ув... уважж... ик... — Пупень вздрогнул всем телом, нахмурился, но собрался с силами и закончил-таки: — Уважжения у тебя нее... ик... — похоже, последние слова окончательно исчерпали силы ватажника, потому что, закончив предложение, он еще раз грозно икнул и упал рядом с костром. Аксил усмехнулся и сделал глоток из

почти опустевшей бутылки. И в этот момент его хлопнули по плечу и негромко произнесли в ухо:

— Иди за мной.

Молодой разбойник молча вскочил и двинулся вслед за своим атаманом, который не торопясь шел сквозь возбужденную толпу ватажников, благосклонно кивая на восхищенные выкрики в свою сторону, раздававшиеся со всех сторон.

Илим остановился у входа в свою пещерку и, окинув взглядом гудящий бивуак, молча мотнул головой, приглашая Аксила войти внутрь.

— Значит, так, молодой... — прищурившись начал атаман, когда они устроились на охапках сена в дальнем от входа углу пещерки, — завтра поутру двинешь в Зублус. Там остановишься в... — где ему нужно было остановиться, Аксил так и не успел узнать. Потому что атаман внезапно оборвал свою речь и замер, прислушиваясь. Молодой ватажник тоже невольно прислушался. Потому что гулкий гомон, повисший над бивуаком, внезапно стих, и снаружи пещерки повисла полная тишина. Но ненадолго. Прошла всего пара мгновений, и снаружи послышался тонкий, дрожащий возглас. Вернее даже не возглас, а выдох:

— Бездушные...

Часть первая

БЕСПЛОДНЫЕ ПОИСКИ

1

— Благодарю вас, граф, ваш доклад был, как всегда, просто блестящим, — благодарно кивнул Грон.

Граф Эгерит улыбнулся и, закрыв папку, опустился на свое место. Грон окинул взглядом всех сидящих за большим столом и спросил:

— Итак, у кого есть вопросы?

Вопросов не было.

— Тогда благодарю вас всех и не смею больше задерживать.

После этих слов все сидевшие за столом задвигали стульями, поднимаясь и обмениваясь негромкими фразами. Грон, сидевший во главе стола, также поднялся с кресла и, коротко кивнув расходящимся, нырнул в небольшую дверь, находившуюся сразу за спинкой его кресла. Там находился его рабочий кабинет, примыкавший к залу для совещаний, в котором только что закончилось текущее заседание кабинета министров.

В рабочем кабинете его ждал Шуршан.

— Ну, чем порадуешь? — устало поинтересовался Грон. Шуршан вздохнул и повел плечами.

— Понятно... — крикнул Грон, усаживаясь за свой рабочий стол.

— Мы уже и соседние Владения прошерстили, — уныло произнес Шуршан, — ну никаких следов!

Грон едва заметно скривился и тихо произнес:

— Ищи, Шуршан, ищи. Он нас в покое точно не оставит. Я не понимаю, почему он еще не нанес удар. Что он готовит? По ком собирается бить?

О том, что Черный барон жив, Грон знал совершенно точно.

После того, как они вошли в Дагабер, Грон договорился с графом Ормералем о том, что ставит в Либвэ свой гарнизон. Кое-кого, считающегося в тот момент королем, то есть сына покойного короля Насии, принявшего имя Гаделя III, они с графом об этом в известность, естественно, не поставили. Все равно Ормераль, опираясь на папочку, найденную в архивах Черного барона, и показания Ширгуша, данные перед дворянским судом, собирался вскоре отстранить его от власти... И, как выяснилось, не зря.

Не успели еще победоносные войска Агбера двинуться в сторону своих границ, как у ворот этого замка появилась некая персона. Сразу идентифицировать ее не удалось, но, похоже, это был какой-то тип, разок-другой мелькнувший в свите нового короля. Он подъехал к воротам и требовательно постучал в них.

— Эй, Игануб, это я — барон Даклеви, открывайте уже! — раздраженно взвизгнул он. — Вот ни за что не поверю, что твои псы не заметили нас еще при подъезде.

Но ворота оставались закрытыми. Тип некоторое время подождал. А затем вытащил кинжал и раздраженно заколотил в ворота его рукояткой.

— Ну, открывайте же, раздери вас Владетель! Я прибыл по велению короля.

После этих слов за воротами послышался негромкий лягз, и створка вделанной в ворота калитки чуть-чуть отошла в сторону. Барон недоуменно уставился на приоткрывшуюся калитку, после чего побагровел и возмущенно вскричал:

— Вы что там, с ума сошли? Я что, должен слезать с коня и протискиваться в эту вашу щелку? А ну немедленно откройте ворота!

— Приказ Черного барона, — негромко прогудели из-за калитки.

Эти слова оказали на его милость барона Даклеви просто волшебное воздействие. Он мгновенно заткнулся и поспешно соскочил с седла, всего лишь пробурчав под нос:

— Да тише вы, не орите! Не дай Владетель, кто услышит... — после чего нырнул в калитку.

— Хм, а где Игануб? — озадаченно спросил он Гаруза, одетого в комбинезон баронских выкормышей и накинувшего на голову пристегнутый к нему глубокий капюшон, который встретил его за калиткой, когда они прошли через темную арку ворот и вышли на освещенный солнцем двор.

— С караваном ушел, ваша милость, — отозвался Гаруз, с крайне предупредительным видом следуя справа от высокопоставленного посетителя, чтобы контролировать его ведущую руку. Ибо кто знает, какие дурные мысли могут прийти в столь гордую и высокопоставленную башку?

— А барон Гуглеб, значит, пока еще здесь, — Даклеви покачал головой. — Неосмотрительно, неосмотрительно... Его ищут по всему королевству, — барон изобразил на лице неодобрительную мину, но ее почти сразу же сменило выражение предвкушения.

— Эй, как там тебя, а *игрушки* господина барона тоже здесь?

Гаруз неопределенно хмыкнул.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР	7
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ	247
СЕРДЦЕ БАШНИ	503